

84 (3)

Г 977

С 154630 - КО

14/1

2K

turn.

7/III-67

9/III

13/IV-

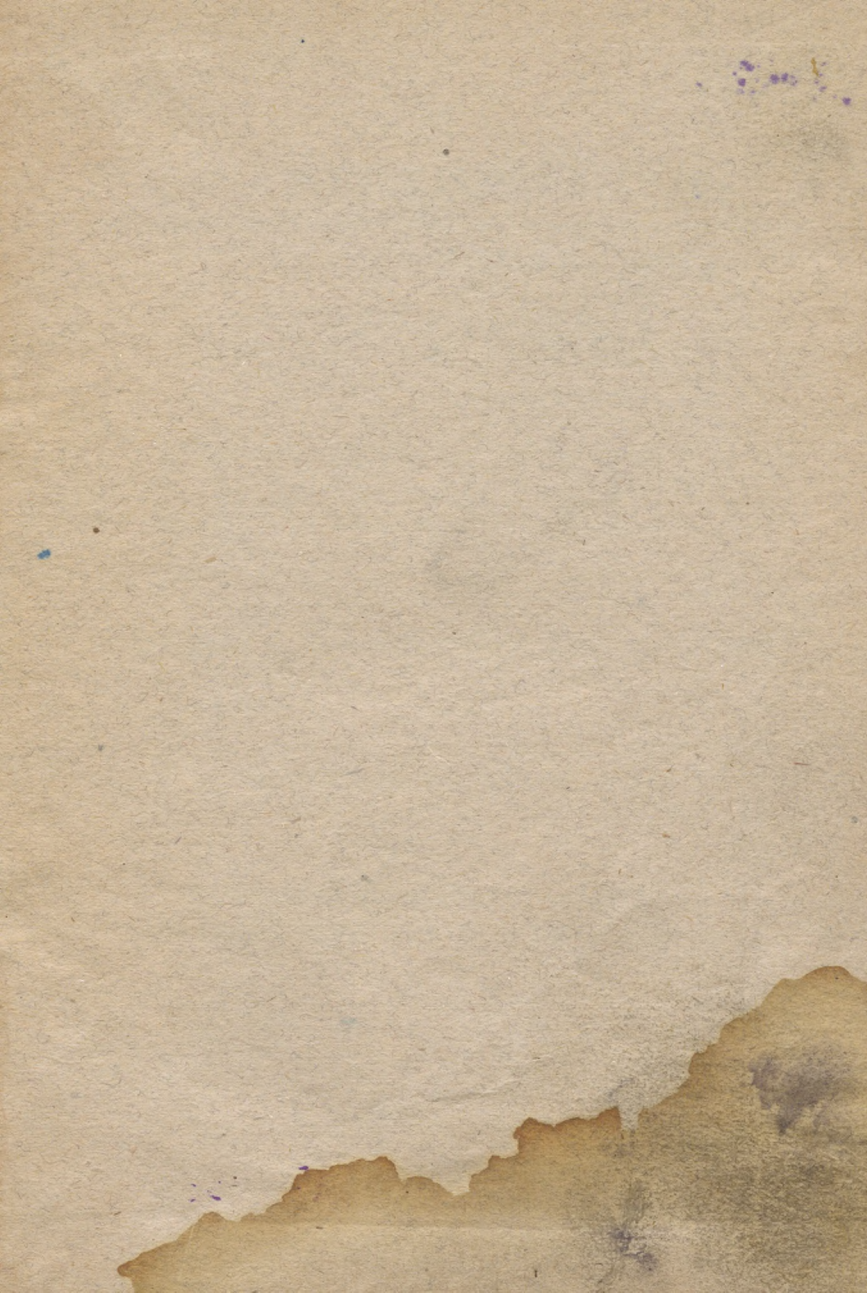
10/V

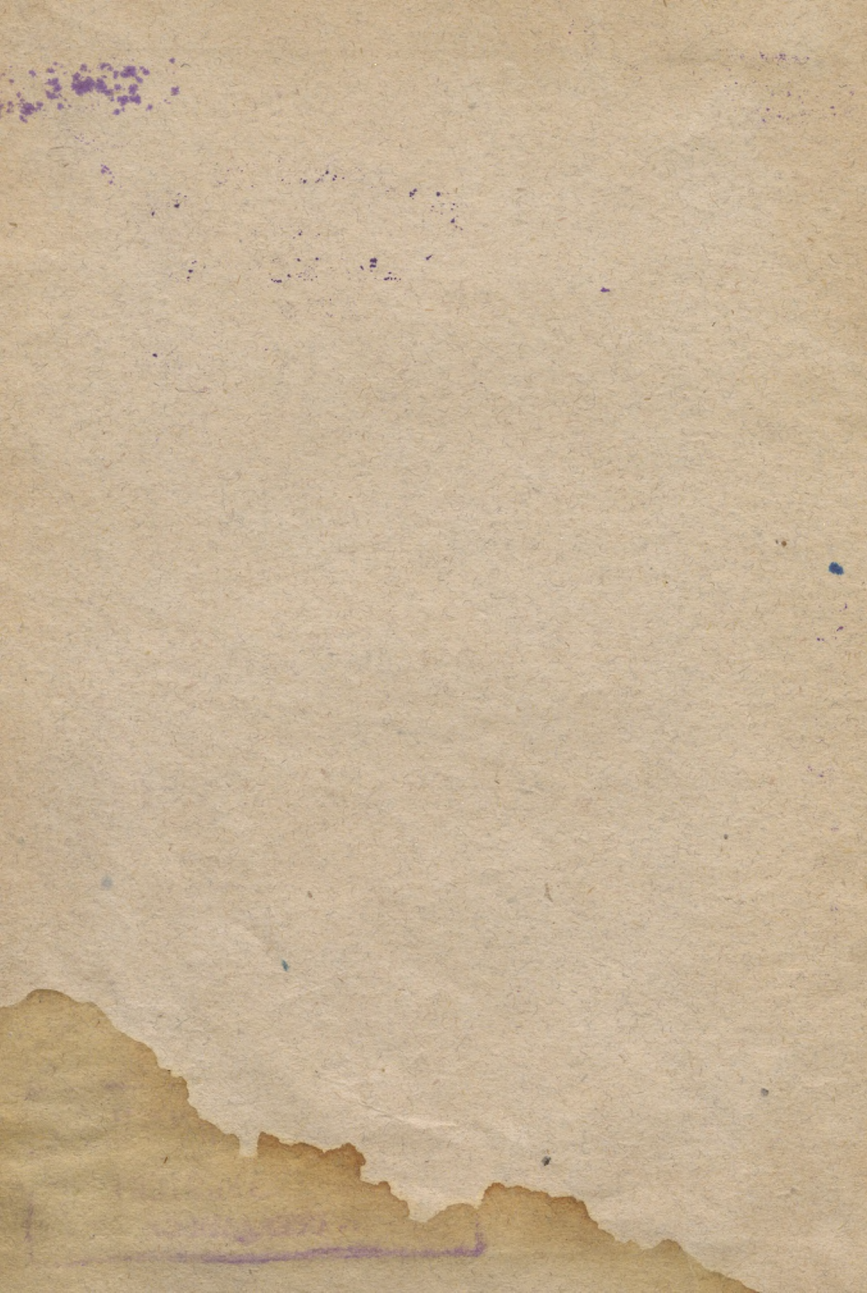
29/V

4/VI

12/VI-68

25/VI

84(3) H-2
№ 4.

8187
НЕМЕЦКИЙ ТЕАТРАЛЬНЫЙ
БЕЛЫЙ ТЕАТРАЛЬНЫЙ

БИБЛИОТЕКА

ИМЕНИ
КАРЛ ГУЦКОВ
А. Г. ВЕЛИКОГО.

Свердловск.
Свердловского.

ПУГАЧЕВ.

Трагедия в пяти действиях и девяти картинах

Перевод с немецкого П. Морозова.

ИЗДАНИЕ ТЕАТРАЛЬНОГО ОТДЕЛА
НАРОДНОГО КОМИСАРИАТА ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ.

ПЕТРОГРАД.

1918.

г. СВЕРДЛОВСК

1944 г.

ИНВ. 1936 г. № 154630

81-2

Действующие лица.

Екатерина II, императрица.

Граф Григорий Орлов.

Князь Разумовский, верховный гетман казаков.

Граф Захар Чернышев, военный министр.

Генерал граф Бибииков.

Князь Вагратион, старейшина казаков.

Андрей Логинов, атаман.

Устинья, его дочь.

Вородин } казачьи старшины.
Калуга }

Емельян Пугачев, Донской казак.

Софья, его жена.

Иван } его дети.
Алексей }

Данила Перфильев, староста монастыря св. Исаакия.

Отец Сергей, священник.

Камер-лакей.

Депутаты и старшины города Яицка.

Пленники из Оренбурга.

Императорские офицеры.

Придворные кавалеры и дамы.

Казачьи девушки.

Два пажа.

Казачьи священники. Народ.

Время действия: между 1771 и 1774 г.г.

Действие первое.

Внутренность казачьей хаты в южной России. Слева—дверь в другую комнату. Справа на стене развешаны рыболовные сети. На заднем плане—низенькая входная дверь. Рядом с нею—небольшое окошко, под окошком скамья. Вечер.

ЯВЛЕНИЕ I.

Направо сидит **Софья** и чинит сети. На скамье под окошком спит, сидя, **Перфильев**. Потом входят слева **Пугачев**, **Иван** и **Алексей**.

Софья (*обращаясь к двери налево*) Ну, детки,
[дайте отдохнуть отцу!

Идите-ка сюда, да поучитесь

У матери, как сети починять:

Вам, рыбакам, все это пригодится.

Иван (*из-за двери*) Мы вовсе не хотим

[рыбачить!

Алексей (*так же*)

Будем

Мы воевать, как тятя!

Софья.

Озорничать

У дяди в доме? Полно! спать пора! (*про себя*).

Как я люблю, когда с детьми он занят

И словно сам готов ребенком стать!

Для них он режет маленькие стрелки,—

Как будто дело делает!...

Семь лет

Прошло с тех пор, как я его впервые

Увидела... Не знает он об этом,

И если б я напомнила ему,—
 Болезненно его сожмется сердце!
 Да, в первый раз в рождественский сочельник
 Его я встретила. Он был тогда
 Влюблен в Устинью, дочку атамана;
 Потом его женою стала Софья —
 И вот, он забавляется с детьми...

Пугачев (*входит с детьми и дает им маленькие стрелки*) Ну, вот, берите. У меня уж пальцы
 Устали от вырезыванья стрелок.
 Попробуйте их завтра. Стрелы слепы,
 Но зрячими их делает стрелок.

(*Заметив Перфильева*)

Э! Дядя спит!

Софья (*в испуге*) О, Господи Иисусе!
 Вед этак могут нас и захватить.

Пугачев. Никто сюда не явится, не бойся:
 Сочельник нынче; наши все монахи
 Пошли уже с молитвой по деревне.
 Они тут проходили?

Софья. Вдалеке
 Я слышала их пенье. Ну, ребятки,
 Ложитесь спать! Когда же под окном
 Монахи запоют, — перекреститесь.
 Что к дяде вы пристали?

Иван (*щечочет нос Перфильева перышком стрелки*). Я ему,

Вот, перышком в носу пощечочу.

Перфильев (*чихает*).

Алексей. Ага! Проснулся, дядюшка Данила!

Перфильев (*опять чихает, потягивается*).

Пугачев. Проснулся, друг? Уж выпался,
[довольно!]

Перфильев (*вскакивает и ловит убегающих от него детей*). Ах, вы, негодники! Вот, я поймаю, Да выброшу обоих прямо в снег!

Я разве спал? Да, чорт возьми, вздремнулось!

Что, Софьюшка, ты морщишься? Я спал?

Ну, значит, мне хороший сон приснился.

Иван и Алексей (*издали, прячась за дверь*).
Бай-бай, дядюшка, усни,
Утомон тебя возьми!

Перфильев. Вот, я вас, пострелята! Бородой
Защекочу! (*Дети убегают*).

Я задремал немножко
И видел сон, — хороший сон, — что будто
Ты, Емельян, оправдан и свободен.

Пугачев. Сон в руку бы!

Перфильев. Да, да, — что ты свободен,
И все права тебе возвращены.
А что, певцы мои уж проходили?

Софья. Кто? монастырские? — еще не слышно;
Мы подождем, а ты, покамест, сон
Нам расскажи.

Перфильев. Да, странный, глупый сон!
Я видел всех, кого послали мы
К царице, в Питер, донести о тяжких
Страданиях безвинного народа, —
Так ясно видел, словно между ними
Я сам стоял. Граф Чернышев, министр
Военный, их позвал к себе и задал
Вопрос: в чем дело? Выступил тогда

Наш атаман с своею булавою
 И так сказал: „Сиятельный граф!
 „Мы ратуем за вольности народа,
 „Мы бьемся за свободу казаков.
 „Вам ведомо, что много, много лет
 „Идет раздор и тяжба с Петербургом
 „У нас, степных людей. Из пустяков
 „Все это началось, — из-за рыбы;
 „Но рыба — наша пища и торговля;
 „Ее казна желает ограничить
 „И шлюзы строит там, где было вольно
 „Ловить, и рыбу гонит из реки,
 „И угнетает промысел народный.
 „Чиновники нас тяжело притесняют,
 „Хотят совсем нас задавить и всех
 „Людей свободных сделать крепостными,
 „Таковыми же, как прочие, рабами.
 „Мы в рабство не пойдём!“

(Сильный стук в дверь).

Софья.

Что там такое?

Должно быть, староста.

(Пугачеву).

Уйди скорей!

(Опять стучат).

Пугачев. Что? староста? нет, верно батька Иов.

(Стук повторяется).

Перфильев. Попы так не стучатся. Отойди-ка,
 Я погляжу, кого нам Бог послал.

(Говорит в дверь).

Кто в этот поздний час сюда стучится?

Логинов *(из-за двери).* Далеко ль до монастыря?

Перфильев. Да только,
Вот, лес пройти.

Логинов. А здесь ли проживает
Перфильев, монастырский управитель?

Перфильев. Я здесь.

Логинов. Так голос мой ты должен знать.

Перфильев. Ах, Господи! Конечно, этот голос...
(Отворяет дверь).

Софья (*быстро отводит Пугачева в сторону*).

ЯВЛЕНИЕ II.

Те же, Логинов, Калуга, Воронин (*все в шубах*).

Перфильев. И вправду, это атаман Андрей
И Воронин с Калугой. Слава Богу!
Добро пожаловать!

Пугачев (*про себя*). Как? атаман?

Софья (*про себя*). Отец Устиньи!

Пугачев (*про себя*). И Калуга с ним, —
Жених Устиньи!

Логинов (*Перфильеву*). Ты уж не гневися:
Мы в монастырь идем; у нас есть письма
И к Иову, и к Сергию. Скажи нам,
Перфильев: что, попы вернулись?

Перфильев. Да,

Всего лиш два-три дня: далеко были, —
В Валахии, в Молдавии... Но вы
Здесь отдохните, — что вам торопиться?
Ведь вы, кажись, пешком сюда пришли?
По снегу-то, по стуже?

Логинов.

Мы повозки

Оставили в соседней деревушке.

Пожалуй, здесь немножко отдохнем.

(Снимают шубы, кладут на скамью).

Перфильев. Вот это ладно. Софьюшка, поди-ка

Сюда! Вот вам племянница моя;

А вон того, что там стоит за нею,

Вы знаете уж, верно?

Вородин.

Пугачев!

Логинов. Что? Пугачев?

Пугачев.

Да, гости дорогие.

Добро пожаловать! Ну, Софья, живо!

Неси им угощение.

Софья *(тихо мужу).*

Погляди-ка, —

Нахмурился наш атаман.

Пугачев.

Жена

Сейчас подаст горячего питья;

Оно вас подкрепит. Поторопися!

(Софья уходит).

Логинов. Не в пору гости мы для Пугачева:

Не знали мы, что скрывшись из Казани,

Где он в тюрьму за речи бунтовские

Попал, — сюда он к дядюшке придет.

Перфильев. Да, слава Богу, ветром занесло

Его, с женой и малыми детьми,

Прямехонько к моей убогой хате.

Начальство думает, что он бежал

К черкесам, — я его укрыл надежно:

Пускай хорошему послужит делу.

Калуга. Ну, как народ? Что здесь у вас творится

С тех пор, как мы уехали?

Перфильев.

Другого

И разговору нет, как все про вас,
Посланников народных, — вся надежда
На вас одних. Сейчас я видел сон,
Как вас почетно в Питере ласкали,
Одели в золоченые кафтаны,
Всем пятерым повесили кресты
Владимира...

Логинов.

Двоих уж нет, Перфильев.

Перфильев. Татищева и Пьянова? Да где же
Они?

Логинов.

Я говорю: их нет на свете.

Перфильев. На свете нет? Так что же означает
Мой сон? С чего же умерли они?

Об'елися паштетом с трюфелями?

А что же Чернышев? граф Чернышев?

Логинов. Что видел ты во сне про графа?

Перфильев.

Он,

Прослушав речи ваши, был растроган;

Он вынул из кармана табакерку

И стал вас угощать, и все вы стали

По очереди нюхать табачок,

А я чихнул, — да и проснулся... Боже!

Кто там?

(Подходит к двери).

(Голос о. Сергия за дверью).

Данила, отопри, мой друг!

ЯВЛЕНИЕ III.

Те же и отец Сергей *(входит).*

Сергий. Мир дому вашему, честные люди!

А я один: отец-то Иов нынче

Недужен стал и выйти не решился,
 А прочие монахи разошлись
 Христа прославить. Здравствуй, атаман!
 Сейчас мне на деревне говорили,
 Что ты к Перфильеву зашел, и слышно,
 Есть у тебя ко мне письмо? Давай!

Логинов (*подает письмо*). Да, — от Московского
 митрополита.

Сергий. Богобоязненный и старый друг!
 (*Вскрывает письмо и начинает читать*).

Ну, вот! Я так и думал! Хорошо!
 И там пошло на лад. О вашем деле, —
 Святитель пишет, — сам расскажешь ты.

(*Продолжает читать*).

Как? Что? Позор! неслыханно! ужасно!

Пугачев. Глядите, — руки у него дрожат.

Перфильев. Так, значит, сон-то мой совсем не в руку?

Логинов. Да, прогони из памяти своей
 Тот сон, — и ты заплачешь, друг Перфильев!
 Вот, слушайте, как топчут в Петербурге
 Народ свободный. Чуть не пять недель
 Стучались напрасно мы в ворота
 Военной канцелярии. Лакеи
 Над нами шутки глупые шутили,
 Глумилися над нашей бородой,
 На улице нас мерзнуть заставляли,
 И каждый день, с утра, мы к Чернышеву
 Являлися, — все не пускали нас.
 Вот, наконец, однажды, рано утром,
 „Пожалуйте!“ промолвил нам привратник,
 „Пожалуйте!“ — вся челядь подхватила.

Надеждой загорелася душа!
 Приветливо нас пятерых проводят
 По лестнице, по бархатным коврам,
 По залам с расписными зеркалами, —
 Как будто у министра были мы
 Почетными гостями. Граф с приветом
 Навстречу вышел к нам и приказал
 Все наше дело изложить. О, Боже!
 Нет, не слова из наших уст летели, —
 Все сердце выливалось через край!
 Душа раскрылась ласковому взору,
 Заговорили о себе страданья
 Народные, гнетущий произвол
 Чиновников, налоги и поборы,
 Стеснения торговли, отобранье
 Земли, угрозы рабства крепостного, —
 Все, что в душе у нас кипело, — все
 Я громко и свободно рассказал:
 То не мои слова, — то вопль народа!
 Граф слушал — и молчал — и улыбался —
 Его улыбка как кинжал сверкала —
 Рукой махнул — ушел. Явились слуги,
 С улыбкою нас повели... куда?
 Послушайте — пусть знает весь народ,
 Все казаки, от Дона до Яика!
 Нас, посланцов свободного народа,
 Не к угощению повели, не в залу
 Судебную, чтоб наши показанья
 Записывать, — нас повели в застенки,
 А там, на наши жалобы в ответ,
 Заплечный мастер вздернул нас на дыбу,

И на спине у нас кнутом кровавым
 Ответ на все прошенья прописали!

(Пугачев, Перфильев и Сергей въ ужасе).

Все в ранах, чуть живые, до Москвы
 Мы дотащились. Двое там скончались.

Митрополит похоронил их, нас же.

Отправил в монастырь на излечение.

Там раны зажили, — позор остался!

Перфильев *(после продолжительного молчания).*

Что́ вам сказать? Мне хочется заплакать,

Но не о вас, — о людях, что с людьми

Так зверски поступают! Ваши раны

Не зажили, — о, нет! — они должны

Вопить о мести, — кровь за кровь! — и горе

Насильникам!

Сергий.

Известие о том,

Как Чернышев над нами надругался,

Наделает чудес: ведь наш народ

Лишь повода искал для выступленья;

Теперь же час настал! Своею кровью

Зажгли вы гнев народный! Да, недаром

Сегодня здесь вы собрались. Из всех

Вы казаков богаче и знатнее,

И сам митрополит благословил вас

На подвиг бранный! Здешний монастырь

Соединит в себе все нити дела.

Данила! Ты — умнейший среди нас,

Ты, Емельян, — храбрейший. Божья воля

Сюда нас привела, — мы в этот час

Постановить свое должны решение.

Готовы ль вы? Скажите смело

Все.

Да!

Готовы!

Сергий.

Ну, так я скажу вам слово,

А вы дадите на него ответ.

ЯВЛЕНИЕ IV.

Те же и Софья входит с подносом, на котором большой ковш с горячим вином и стаканами. Перфильев берет у нее поднос и ставит его на стол.

Перфильев. Вот так! Ну, молодцы, согрейте
кровь!

Откушайте!

Вородин.

Хозяюшке спасибо!

Софья. Здоровы будьте, гости дорогие!

Пугачев. Иди-ка спать. Мы все благодарим
Тебя за угощение.

Перфильев.

И выпьем

Здесь за твоё здоровье.

Пугачев.

А теперь

Совет держать мы станем.

Сергий.

Что, хозяйка,

У вас найдутся кости?

Софья.

Для игры?

Перфильев *(вынимает из кармана кости)*.

Всегда при мне. На что они тебе?

(бросает их на стол).

Сергий. Ну, хоть бы так, для шутки. Я об этом
Скажу потом. Благослови Господь
Тебя, хозяйюшка, и деток ваших!

Пугачев. Молись, жена! Нужна нам помощь Божья!
(*Софья уходит*).

Перфильев. Теперь садитесь все кругом, да выпьем,
Послушаем, что скажет отче Сергей.

(*Все садятся*).

Сергий. Вам ведомо, что сам я из народа,
Я сам казак: отец мой был казак,
Всегда свободным был он человеком...

Перфильев. И поданным лишь матери твоей,
Которая тебя хотела сделать
Попом, и отдала монастырю.

Сергий. Да, правда. Но хоть я и поп, однако
Я вовсе не приказный и не стану
Советовать собачью вам покорность.
Чем воевать: пером или мечом?

Калуга. На мирное решение нет надежды.

Вородин. Народ созрел, — его нам не сдержать.

Сергий. Так пусть восстанет! Но — клянусь вам
Богом,

Святым крестом и ранами Христа, —
Победы вам не будет!

Перфильев.

Что же это?

С конца ты начинаешь?

Сергий.

Да, должны вы

Сражаться за себя и за детей,
Сражаться за кусок насущный хлеба,
За жизнь, которую вам отравляют, —
Но все ж победы не добьетесь вы:
Вам одного недостает.

Логинов.

Чего же?

Калуга. Скажи ясней, иль дай нам то, что надо.

Сергий. Послушайте внимательно меня.
 С тех пор, как возвеличилась Россия,
 Сколь многое из добрых старых нравов
 Погибло в бурном времени потоке;
 Но лишь одно осталось нам, как чудо, —
 Единственное чудо в дни сомненья:
 Любовь народа к своему царю.

Перфильев. К царю? Но царь Петр Федорович
 Третий

Уже скончался.

Сергий. Был низложен он
 Орлова пьяной ротой. Катерина
 Верхом, со шпагою в руке, при криках
 Лейб-гвардии, вступила на престол,
 Перешагнувши через тело мужа,
 Который, будто, умер от удара;
 Но, полно, правда ль? Это неизвестно:
 Последняя страница жизни царской
 Всегда была загадочным листом.
 Вы в Питере, наверное, об этом
 Слыхали кое-что?

Логинов. Там говорят,
 Что с некоторых пор Орлов Григорий,
 Любимец и наперсник Катерины,
 Как будто помешался, и о мертвом
 Царе он говорит, как о живом.

Сергий. Как о живом? Ну, вот! И слух об этом
 Уже давно в народе разошелся:
 Петр Федорович, говорят, не умер,
 А спасся от врагов, и в должный час,
 Когда вскипит вся злоба самовластья,

Из Персии, где скрылся он покамест,
 Появится — и свой народ спасет.
 Такая вера есть глашатай правды:
 Сперва — слова, а там придет и дело.
 Что смерть, что жизнь? Лиш вера нас живит,
 Сомненье ж все живое убивает.
 То, что зовем мы часто заблуждением,
 Источником является великих
 Деяний; правда часто губит нас,
 А ложь нередко душу окрыляет.

Перфильев. Да, так бывало прежде, и не раз.

Вородин. Припомните: Дмитрий Самозванец
 С престола снял Бориса Годунова.

Логинов. Коль есть нужда, — так явится
 и царь.

Пугачев. Как явится? Простите мне; мы ложью,
 Конечно, все окружены; но в этом
 Мы неповинны, если мы не знаем,
 Где ложь, где правда; если же нарочно
 Мы станем лгать и закрывать глаза,
 Чтобы потом сказать: „Прости мне, правда!
 „Ведь я был слеп!“ — то это уж иное:
 Такая ложь, ей-ей, не по душе.

Сергий. Нам надо драться. Мы хотим победы.
 Победа же для нас возможна только
 Посредством лжи. Сказать, что царь не умер, —
 Вот тот рычаг, которым сразу, всюду
 Поднимем мы народную толпу.

Логинов. Так дай же нам царя!

Сергий. Возьмите сами!

Сорвите с дерева созревший плод.

Вот кости. Ну, смелей! Бросайте жребий!

(Все встают, пораженные. Молчание).

Пугачев. Как? Здесь, сейчас, избрать себе царя?

Сергий. И пусть Петром избранный будет Третьим!

Пугачев. Случайный жребий даст нам государя?

Сергий. Случайный лишь для нас, — не для народа.

Калуга (Логинову). Что скажешь, атаман?

Логинов.

Как будто, вправду

Совет недурен.

Пугачев.

Атаман согласен?

А ты, Данила?

Перфильев.

Мне обидно стало,

Что сон мой не сбылся.

(Бросает кость в стакан).

Ну, вот, готово!

Сергий (быстро хватая стакан).

Благослови, Господь, начало наше

И дай России бодрого вождя!

Логинов (кидает кости).

Перфильев. Десятка! — Бородин!

Бородин (кидает кости). Семерка только!

Перфильев. Ну, не в сорочке, значит, ты родился.

Теперь, Калуга, за тобой черед!

Калуга (кидает кости).

Перфильев. Одиннадцать! Ну, видно, мне придется

Надеть венец! Я позабавлю вас

Короною своей!

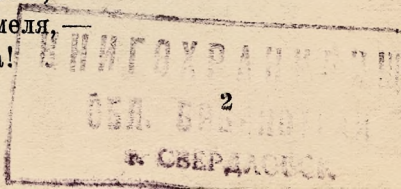
(Кидает кости).

Гляди, — тринадцать!

Ах, чортова ты дюжина! Не быть,

Я вижу, мне на троне! Ну, Емеля, —

Скорей, долой меня с престола!

Сергий.

Да,

Поторопись, друг Пугачев: монахи
Сюда идут, — кидай скорее жребий!

Пугачев. И мне кидать? одним ударом кости
Спаси народ и мир перевернуть?

И мне кидать? Что ты глядишь, костяшка,
Мне так в глаза? О мщеньи говоришь ты?

Да разве так, как ты гремишь в стакане,
Тяжелые гремели кандалы

На мне в Казани? Отче Сергий, ты

Как заклинатель, к этому метанью

Влечешь меня, — безволен я, бессилён;

Рука дрожит; от взора твоего

Не отвести очей...

*(Кидает кости, все время смотря в лицо Сергию;
пугается, услышав стук выпавших костей, и восклицает):*

Ну, вот, — бери!

Сергий *(вглянув на кости, торжественно).*

Долой все шапки! Сабли наголо!

(Все, кроме Пугачева, снимают шапки и обнажают сабли).

Все на колени! Вот избранник Божий!

(Все становятся на колени перед Пугачевым. Снаружи слышно пение монахов).

Хор монахов. Христос рождается, славите!

Христос с небес, срящите!

Христос на земли, веселитесь!

Пойте Господеви, вся земля,

И в веселии воспойте, людие,

Яко прославися!

Пугачев. (*Молча прислушивается к пению
когда оно умолкает, он говорит*)

Не постигаю! Хотя моя душа
Противится столь дерзкому обману,
Но сердце говорит, что было б стыдно
Трусливо уклониться от избранья
Там, где победа — в храбрости одной!
Святая песнь рожденье прославляет
Спасителя-Христа, на благо миру,
Пророчит нам грядущее спасенье...
Что, если невидимая десница
Назначила мне быть спасеньем Руси
От оскверняющих ее грехов?
Вот, — пастыри приветствуют Младенца,
И ангелы нисходят с небеси!
Вставайте ж, не склоняйтесь предо мною!
Коль я в минуту эту избран Богом,
То избран я затем, чтоб не склонялись
Вы пред людьми, но гордо и свободно
Всею были братья, — даже и владыкам!
Не вы один, но весь народ Российский,
Вся наша Русь должна свободной стать,
И с каждого, кто только человеком
Себя сознает, — даже и с раба,
Что к зверю близок стал, сотру я скоро
Позорное клеймо порабощенья!

Спи, Софья! Спите, детки! Мы же все
Теперь пойдем в храм Божий на молитву!
(*Идет к дверям. Все за ним*).

ЗАНАВЕС.

Действие второе.

Картина 1.

Зал в Зимнем дворце. Игорные столы с зажженными свечами. С потолка спускается люстра. В отдалении—тихая музыка.

ЯВЛЕНИЕ I.

Екатерина посреди своих придворных. **Чернышев**. Придворные кавалеры и дамы. Все заняты игрою. **Орлов**, мрачный, сидит на авансцене один, в стороне от прочих. На коленях у него географическая карта.

Екатерина (*сидя за игорным столом*). Орлов, я выигрываю земли и проигрываю дукаты. Отчего в нашем кругу нет Бибикова?

Чернышев. Он изучает сочинения Гиппократа.

Екатерина. Не шутите над страждущим, господин военный министр. Вид Бибикова терзает мне душу. Радостным, веселым простился он с нами, от'езжая в Польшу,—а каким возвратился оттуда? Он похож на медленно сохнувшее дерево.

Камер-лакей (*входит*). Его сиятельство граф Бибилов!

ЯВЛЕНИЕ II.

Те же и **Бибиков**, бледный, больной, входит медленно, кланяется.

Екатерина. Добро пожаловать, граф!

(*Протягивает руку для поцелуя*).

Бибиков (*не целуя руки*). Простите, Ваше Величество,—поцелуй больного вреден.

Екатерина. Вы все еще в дурном настроении, граф? Вы мне принесли раздел Польши, а самого себя забыли дома. Займитесь-ка игрою, друг мой! Отчего бы вам не попытать счастья с графом Орловым?

Орлов. Со мной? Зачем со мной? Я говорил, Когда вы в Польшу ехали: смотрите, Холодного не пейте, разогревшись! Вы не послушались, — вы пили? пили?

Вибикив. Загадок ваших я не понимаю.

Орлов. Но чувствуете их? не правда ль, граф? Вы радостно свой подняли бокал
И выпили за счастье России,
За братский Польши с русскими союз,
И все поляки выхватили сабли,
И в честь царицы и ее посланца
Громовое раздалось ура!
И шапки вверх так дружно полетели!
Вы выпили?

Вибикив. За здравие царицы.

Екатерина (*встает*). Граф Бибикив! Играйте
[за меня.

(*Бибикив садится за стол*).

Екатерина (*Орлову*). Вы взволновались, граф Орлов.

Орлов. Смотрите, —

Я это знаю: волосы его
Уже седеют, блеск потух в очах,
И кровь уж стынет в жилах, как в Крыму
Горячий воздух стынет от дыханья
Чумы Стамбульской. Знаете, царица?
Он в Польше выпил яду.

Екатерина.

Но, Григорий,

Не стыдно ль вам такому верить вздору?
 Лишь одного больного здесь я вижу,
 И это — ты, с твоей душою мрачной.
 Во всей моей империи обширной
 Все благоденствует, — лишь ты один
 На жертву предан ужасу и ночи.
 Чем ты смущен? Откройся мне, Григорий!
 Какие призраки тебя тревожат?
 Зачем бежишь ты от меня, от света,
 И видишь пламенным воображеньем
 Лишь ужасы, да смерть, — как Алексей,
 Твой брат, мой адмирал-победоносец,
 Что, как второй Нерон, взорвал на воздух
 Огромный флот, желая разукрасить
 Картину Чесменского боя.

Орлов.

Разве

Я сумрачен?

Екатерина.

Как небо пред грозой!

Орлов. Пусть на меня обрушится гроза,

Тебе же солнце ярко засияет!

(Становится за стулом Чернышева и смотрит на игру).

Екатерина *(садится в кресло Орлова)*.

ЯВЛЕНИЕ III.

Те же. Камер-лакей подает Екатерине письмо. Потом князь Разумовский.

Екатерина. От Дашкова, с нарочным, из Москвы...
 От Дашкова? Но почему так спешно?
(Вскрывает письмо, встает. Музыка прекращается).

Нет, нет! Не верю я своим глазам!
 А все-таки... Прошу игру оставить! (*Все встают*).
 Что это? граф Орлов! граф Чернышев!
 Министр! По вашей милости — читайте —
 Яик в огне, — там начался мятеж!

Чернышев. Так Вашему Величеству доносит
 Мой враг Дашков?

Екатерина. Посланники народа
 Сюда явились с верой в правосудье, —
 Вы их с позором выгнали отсюда,
 Над ними надругались, Чернышев?

(*Входит князь Разумовский*).

Князь Разумовский, вы — казачий гетман!
 Смотрите, что за ужасы нам пишут!

Разумовский. Так эта весть дошла уже сюда?

Екатерина. Восстанье! Имя графа Чернышева
 На небесах напишется огнем!

Разумовский. Я к вам являюсь с сердцем сокру-
 Да, небольшой раздор там, на Яике, [шенным.
 Действительно, пожаром разгорелся.

Прислал мне Оренбургский губернатор

Свидетеля всех этих злодеяний:

Он сам — казак, доподлинно все знает

И обо всем вам может донести.

Екатерина. Позвать его!

Разумовский. Поди сюда, Перфильев!

ЯВЛЕНИЕ IV.

Те же и Перфильев (*входит*).

Перфильев. Вот так палаты! Сколько тут свечей-то!
 А господа — всё в лентах и звездах,

И дамы распрекрасные, и карты...

Ну-ну! Знать, прямо в рай попал казак!

Орлов. Смотри, невежа! Здесь императрица!

(Перфильев падает на колени).

Екатерина. Перфильев, встань, — и Расскажи,
что знаешь.

Ужель стал бунтовать народ мой верный?

И кто мое позорит имя? Правда ль,

Что пишут нам с Яика?

Разумовский.

Да смотри,

Одну лишь правду говори, Данила!

Перфильев *(встает)*. Всю правду доложу. Там, на
Яике,

Всего дороже — русская царица,

А дешевы лиш уголья.

Разумовский.

Оставь

Казачьи извороты; поименно

Все назови нам города, деревни,

Где разыгрался буйный тот мятеж.

Перфильев. О, горе нам! Придется вам, наверно,

Для Руси новую составить карту:

Где прежде весело цвела деревня

С зелеными садами, с кабаком

При в'езде, или с кузницею звонкой;

Там ничего нет нынче: все сгорело.

Брандмейстером меня бы захотели

Пожаловать в Москву, — не соглашусь:

Там слишком сильно с юга ветер дует.

Орлов. Пожар мы этот пушками потушим.

Екатерина. Оставьте, граф! Ну, дальше что, Да-
нила?

Перфильев. Да, матушка,—я говорю, что
видел:

Страна вся одичала, все бегут, —
Войска, чиновники и воеводы,
И на большом тракту московском сотни
Теснятся экипажей и телег.
Рабочие, крестьяне, рудокопы,
Покинувши подземные жилища,
Бросаются к восставшим казакам;
Колодники свои разбили цепи,
Идет повсюду шумное братанье
С татаринoм, башкиром, калмыком...
Зима им не страшна: ведь снег казакам
Тепло дает,—и там, где не найти
Ни хижинки, ни деревца, — там рубят
Они спокойно глыбы ледяные
И строят для себя жилье. Везде,
От Гурьева до Илецкой станицы,
От Астрахани к самому Макарью,
Летают смело вороны степные, —
И пусть меня повесят, если нынче
Не прилетели уж они в Казань.

Екатерина. Ужасно!

Вибииков. Но скажи, — зачем? чье имя
Ведет народ? Кому он там подвластен?

Перфильев. Не спрашивай, боярин: нам негоже
Об этом говорить...

Орлов. Дрожишь ты, раб?
Чего народ желает, и кому
Он повинуется?

Перфильев. Сказать не смею....

Разумовский. Из уважения к царице, он
 Не смеет говорить. Там раздаются
 Листы от самозванного царя:
 Он, будто бы, супруг Екатерины,
 Почивший в Бозе император Петр.

Екатерина (*в испуге*)? Как?

Орлов.

Петр Феодорыч?

Разумовский.

Все та же басня

Старинная, внушенная попами!

Вибигов. Орлов ее давно уж опроверг.
 (*Разумовскому*)

Зачем касаться этой старой раны?

Екатерина. Так мертвого царя народ считает
 Живым? Не может быть! Да разве всех
 Не допускали к траурному ложу,
 Где царь лежал средь тысячи свечей,
 И все, в соборе бывшие, теснились
 Отдать ему последнее лобзанье?

Разумовский. Но вот, когда замолкли панихиды,
 Народ опять поверил сказке лживой.

Екатерина. А тот, что назвался Петром, — ты
 видел

Его? Похож ли он на государя?

Перфильев. Готов я дать присягу, — так похож!
 Царя я видел лет тому пятнадцать
 В Ораньенбауме, на одном смотру;
 Тот самозванец — словно брат родимый;
 Да только — не жилец на белом свете.

Разумовский. А почему?

Перфильев.

Он долго не протянет:

Недужен сильно.

Орлов. Болен?

Перфильев.

Да, совсем:

Лицо все в пятнах, жилки голубые
Надулися и светятся сквозь кожу;
Он словно вырвался из рук убийц;
Он весь опух; стеклянные глаза
Как будто выскочить хотят наружу;
На шее туго стянут галстух черный...

Орлов. Молчи ты, пес!

Екатерина (*в сторону*). Ужасное виденье!

Ужели правда то, в чем и признаться
Сама себе не смею?

Вибиков.

Я скажу, —

Не терпит время, — все растет опасность;
Должны мы, ни минуты не теряя,
Против нее идти со всею силой.
Пошлите, государыня, меня
На этого злодея самозванца:
Я чувствую, — мне суждена победа!
Вся кровь горит, и внутренний огонь
Меня на битву с мертвым посылает.

Екатерина (*овладев собою*). Коль вам угодно,
отправляйтесь, граф.

Мне грустно посылать вас на войну
Гражданскую. В сраженьи беспощадны,
Но при победе милостивы будьте:
Подумайте, — ведь это мой народ!
Покорных пощадите.

(*Чернышеву*).

Вы же, граф,

Поедете сегодня же в деревни,
Которые я вам теперь дарю.

Они лежат далеко, — за Уралом.

Чернышев (*пораженный*) В Сибирь!

Екатерина (*Разумовскому*) Князь Разумовский!

Поручаю

Я вам блюсти спокойствие в столице,

В народе и в войсках.

Возьми, казак!

(*Бросает Перфильеву браслет; тот подхватывает*).

И будь вперед носителем лишь добрых

Вестей.

(*Орлову*)

Что с вами, граф Орлов?

(*Орлов стоит неподвижно и смотрит в одну точку*).

Что с вами?

Опомнитесь!

Орлов.

Идите вы со мною

Все в Александро-Невский монастырь,

Откройте склеп почивших государей!

Подайте факелы! Спускайтесь вниз!

Внимательно считайте все ступени:

Их двадцать девять. Так! Прохладно здесь!

Вот мраморные в ряд гробницы, — в каждой

Лежит Романов! Осторожней: скользкий

Здесь пол, — но не от крови... Не от крови?

Кто бросил это слово? Разве гробы

Не все закрыты? Кто же, государи,

Нарушил здесь священное молчанье,

Обещанное гению России?

Где император, вновь заговоривший?

О, жалкие созданья! Ведь единым

Достойным подвигом для вас была
Лишь смерть, — и в ней все дело вашей жизни!

Екатерина (*делает знак, что ей нездоровится, и отходит в сторону, к дамам*).

Разумовский (*подходит к Орлову*). Опомнись,
граф! Отбрось воспоминанья!

Чем был нам Петр, и что — Екатерина,
И на кого Петра мы променяли,
Об этом мир узнает из истории.

Орлов. Не умер? Как, не умер? Замолчите
Вы, мраморные губы! Болтунам
Пусть рот зажмут указами Сената!
Вы — мертвецы, и вы должны молчать!
И я молчу — молчу — молчу —

(*Разумовский уводит его*).

Чернышев (*Бибикову*) Да, граф,

Непрочно счастье наше! Вот, Орлов
Дерзает руку, облитую кровью,
С угрозой к небу простирать, — и небо
Его своим огнем не поразит.

Для сильного нет ни добра, ни зла, —
Все дело лиш в случайности удачной. (*Уходит*).

Вибигов (*про себя*). Что тут о яде говорил Орлов?

Перфильев. Сиятельнейший граф!

Бибиков. Ты здесь, казак?

Ну, подойди. Не правда ли, умеешь
Ты в карте разобраться? Вот, гляди:
Что значат эти крестики и точки?

Перфильев (*смотрит сперва на карту, потом на Бибигова*). Кладбище, граф.

Бибиков. Для твоего народа!

Перфильев. И для других, кто жить еще желает.
Конечно, я как собственный карман
Всю эту землю знаю: вот лесочек
Близ Новгорода, а за ним — ручей;
Я слышу, как журчит свою он песню;
Над ним плакучие склонились ивы,—
Хорошее местечко для могил!

Вибигов. Ты молодец. Беру тебя к себе
На службу я. Ты знаешь свой народ
И любишь государыню — царицу.
Веди же нас сквозь тьму лесов и ночи,
Будь для меня горячею звездой.

Перфильев. Лазутчиком меня хотите сделать?

Вибигов. Благая цель оправдывает средства.

Перфильев. Что-ж? Я готов.

Вибигов.

Идем!

Перфильев.

Куда угодно.

(В сторону)

Ну, — клюнуло! Он сам мне выдаст все.

(Оба уходят).

Перемена декорации.

Картина 2.

Комната в доме атамана Логинова в Яицке. Кресло. Стол с письменным прибором. Направо — окно. Сзади — занавес.

ЯВЛЕНИЕ V.

Вородин и Калуга быстро входят с правой стороны, в сопровождении других вооруженных казаков. Один из последних несет белое знамя. За

сценою после перемены декорации и до выхода указанных лиц слышен барабанный бой и отдаленные пушечные выстрелы.

Вородин. Сюда! В окне повесим атаманском Мы это знамя в знак победы нашей.

(Отворяет окно и вывешивает знамя. Снаружи слышны громкие приветствия казаков).

Вородин *(говорит в окно).* Яицку, верному
оплоту воли,

Великий государь свой шлет поклон!

Сюда он призывает всех старейшин

И старца нашего Багратиона:

Пусть первыми здесь, в атаманском доме,

Приветствуют законного царя.

Народом царь живет, царем — народ.

Сегодня — день рождения свободы

Для всей Руси великой! *(Барабаны и трубы).*

Вот Устинья.

Скажи, Калуга, что велел отец

Ей приготовить к встрече государя.

(Уходит направо, казаки за ним).

ЯВЛЕНИЕ VI.

Калуга.—**Устинья** *входит слева. Она плетет венок. Вместе с нею входит много девушек в белых платьях*

Калуга. Вот, после семидневной жаркой битвы,
Тебя я вижу снова все такой же,
Не тронутой тревогами народа,
Бесчувственной и к радости, и к горю.

Устинья. Пускай веноч ответит за меня.

Калуга. Веноч, что победителю плетешь ты?

Ах, уж теперь цветы его завяли!

Дочь атамана! Ты ли здесь одна

Останешься холодно - равнодушной?

Устинья. Ты видишь,—все мы в белое одеты

Для встречи государя, — и веноч

Ему готовлю я,—чего же больше?

Калуга (в сторону) Ему, которого она когда-то Любила!

(Громко)

Твой отец, конечно, хочет.

Почествовать, как должно, государя;

Но слишком шумный тягостен царю

Привет: недужный, отдохнуть он должен.

Устинья. Как повелит, так все и совершится.

(Громкие трубы).

Калуга. Вот государь. Вам надобно, покамест,

Уйти. Смотри,—все войско собралось,

У всех на шапках по зеленой ветке.

Устинья (смотря в окно) Кто это—в красной

шапке, на коне?

Калуга. Хлопуша, царский ад'ютант. Скорее!—

Сюда идут старейшины народа.

Устинья. А это кто — в медвежьей белой шкуре,

Что едет вслед за ад'ютантом?

Калуга.

Это —

Татарский князь Эмир-бен-Хаджи.

Устинья.

Что же?

Вы этих дикарей зовете войском?

Зверей в союзники себе вы взяли

И с ними вместе бьетесь за свободу!
Постой-ка! Там Перфильев?

Калуга.

ИМЕНИ
Быть не может.

Данила нами послан в Петероург,
Чтобы разведывать, что там творится.

(В сторону)

Как пристально старается она
Все рассмотреть, — кого-то зорко ищет!
Увидит — и прощай, победа наша!
Судьба Руси висит на волоске!

Устинья. Людей хороших вижу я, — да только
Повсюду в мире властвует лишь низость,
Лишь вероломство! С вами ли оно?
Его ты покажи мне — в бранных латах
И на коне, со взором горделивым
И с дьявольской усмешкой на лице!

Калуга. Неужто все ты помнишь Пугачева?
Шесть лет прошло, — пора и позабыть!
К черкесам он бежал, с детьми, с женою.

Устинья. „С детьми, с женой“! О них-то
мне зачем

Напоминать? Фальшивые людишки!
Когда мужские клятвы правдой были?

Калуга. Уж близко государь. Уйди, Устинья!
Будь дочерью послушною отца!

(Трубы).

Устинья. Нет, я взглянуть хочу на государя!
Меня поймет он: сам он испытал,
Что значит верность, как тяжка измена!
Я свой венок ему хочу отдать,
Хочу в его сиянии согреться:

Ведь был и он, как я, забыт и предан,
Как я, презрению к людям научился.

(*Девушкам*)

Сюда, ко мне! Сейчас придет наш царь!

(*Девушки собираются возле нас. За сценой — марш.*)

Калуга. Узнает Пугачева, — все погибло!

ЯВЛЕНИЕ VII.

С обеих сторон входят казаки и становятся двумя рядами — справа и слева. За ними — Логинов, Вородин и офицеры. Сергей. Выборные от города Яицка. Вагратион (слепой). Калуга. Устинья. Наконец — Пугачев. При его входе музыка играет громкий туш, все становятся на колени и склоняют головы.

Пугачев (*оставаясь в глубине*) Когда-б вы перед Богом преклонились,

Я не сказал бы: встаньте! Перед Богом,
Который мир наполнил чудесами,
Мы все должны склоняться до земли,
Но человеку почести такие
Не следует, конечно, воздавать.

(*Все встают*).

В старинной нашей песне говорится:
Как знать, что будет, как снега растают?
Вот, стаял снег, и вновь пришла весна,
И лед ушел с реки широкой в море, —
И на Руси дворянство прекратилось,
На церковь мы не платим десятины,
И барщины ярма уже не знаем,

И рабство — Руси вековой позор —
 Навеки уничтожено. Так я
 Хочу, — так будет! Для того сюда я
 Пришел. Хотите - ль вы меня признать
 Царем и государем, — дать пред всеми
 Свидетельство, что подлинно я — тот,
 Кого вы ждали? Обсудите дело, —
 А ты, из всех здесь первый и мудрейший,
 Багратион, такой же князь, как я,
 Поможешь им. Все говорите смело
 Да или нет — по совести своей!

(Уходит за занавес).

Логинов. Зачем ты здесь, Устинья?

Устинья. Этот голос!..

Логинов. Для женщин здесь теперь еще не место,
 Уйдите прочь!

Вагратион. Устинья тоже здесь?

Жаль, видеть не могу ее. Устинья!

Логинов. Зачем она тебе, светлейший князь?
 Уйдите, женщины!

Вагратион. Оставь Устинью,
 Начни же, отче Сергей!

Сергий. Я прошу

Внимания, старейшины народа
 И ты, первейший между нами, князь
 Багратион! Вы видели царя,
 Вы слышали, чего от вас он хочет.
 К нам государь явился из могилы, —
 Из нашего монастыря, где он
 Доселе от врагов своих скрывался,
 И вот, теперь со славою воскрес.

Поверим ли мы чуду воскресенья?
 Признаем ли Романовым его?
 Вот тот вопрос, что требует ответа,
 Которого вся Русь, а с ней весь мир,
 Нетерпеливо ждут. Екатерина
 Уже послала войско против нас;
 Но это войско женщины тщеславной
 Свою протянет нам по-братски руку
 И с миром к нам придет, а не с враждой.
 Глядите все: вот царский манифест
 За подлинною царскою печатью:
 Здесь Петр Федорыч нам возвещает
 Восшествие второе на престол.
 Кто усомнится, — пусть уходит прочь;
 Врагам его кто хочет, пусть и служит;
 Но кто его признаёт государем
 И с верой твердою сказать решится,
 Что он воистину законный царь, —
 Пускай приложит руку к манифесту
 И подтвердит признание свое.
 Подписывайся же, кто хочет!

Логинов.

Я

Уж подписал.

Вородин.

Я тоже.

Калуга и Старшины.

Все мы также.

Сергий. Как звезды, блещут ваши имена, —

Лишь одного недостает межъ ними:

Багратион! Подписывай скорее!

Ты слеп, но видишь лучше всех. Недаром

Тебя народ вождем своим признал.

(Дает ему в руку перо).

Вагратион (*отклоняя его руку*).

Постой! Бесспорно, здесь был государь:
Ведь только царь нам может дать свободу,
Дворянство уничтожить, крепостное
Ярмо разбить, — один лишь в силах царь,
Законный царь! Но был ли тот, кто здесь
К нам говорил, Петр Федорович Третий,
Которого тринадцать лет тому
В Кремле Московском я — увы! — не видел
(Я слеп уж был тогда!), а только слышал
Его команду на смотру, — вот в этом
Я сомневаюсь. Память у слепцов
Живет, ведь, только в слухе. Вот, и я
В ту пору слышал голос государя;
Теперь же я могу сказать одно:
Бесспорно, — царь воскрес в России снова,
Великий, сильный царь, — но все-ж не тот,
Чей голос слышал я тогда.

Сергий.

С тобою

Тогда в Москве был Логинов, и если
Поверил он глазам своим, то как же
Не хочешь ты поверить лишь по слуху?

Вагратион. Вот, видите, — готов я подписать,
Но помощи прошу в одном лишь слове.
Нам небо посылает государя;
В его лице я свято чту бойца,
Защитника свободы всенародной
И мстителя за тяжкие обиды;
Но дайте мне хоть щепку, хоть былинку,
Чтоб, ухватившись за нее, я мог
К нему доплыть и пасть к его стопам!

Не старческим упрямством одержим я.
 Послушайте: Писание гласит,
 Что истина идет из уст младенцев.
 В толпе, в Кремле Московском, я тогда
 Вел за руку дитя; младенец этот
 Теперь уж взрослой девушкою стал;
 Так, вот, — я государя умоляю:
 Пусть он опять, по благодати своей,
 Сюда явиться лично соизволит!
 Я слуху своему не доверяю,
 Его хочу я видеть, — и глазами
 Послужит мне Устинья.

Логинов и Воронин.

Как? Устинья!

Сергий. Устинья? Значит, Логинова дочь?

Поди сюда, Устинья. Вспомни ясно,

Кого ты видела тогда, всмотрись

И нам скажи, подумав хорошенько, —

Действительно ли это государь?

*(Отдергивает занавес. Пугачев входит. Устинья
 бросается к нему, узнает его и отбегает назад
 к Калуге).*

Калуга *(тихо ей)*. Ну, что с тобой? Ведь это же —
 безумье!

Опомнися, — ты всех погубишь нас!

Устинья *(тихо ему)*. Солгал! Калуга, ты зачем
 солгал?

Он сам! Он сам! Иль это только призрак?

Нет, нет, — он сам! С ним победите вы!

Вагратион. Что говоришь! Ты вспомнила,

Устинья?

Узнала ты царя, иль нет?

Пугачев (*торжественно*).

Устинья!

Меня ты знаешь? Видела меня

Когда - нибудь?

Устинья.

О, Боже! Это ты!

Так, значит, лед в моем растаял сердце,

И светом озарилась душа!

Спаситель — ты! Желанный наш пророк

В венце блестящем — ты! Одно лишь слово

Могу сказать: да, это ты!

(Падает перед ним на колени).

Вагратион.

Подайте

Перо: она узнала государя!

(Общее радостное движение).

ЗАНАВЕС.

Действие третье.

Палатка. Стол. Кресло. Стулья.

ЯВЛЕНИЕ I.

Пугачев сидит в кресле, подперев голову рукою.
Сергий рассматривает бумаги, лежащие на столе.

Сергий. Подписаны ли эти все бумаги?

Пугачев. Трудненько мне: писать я не привычен

Сергий. Да и подписываешь неохотно:

Задумался о чем-то, смотришь вдаль...

Пугачев. Я вспомнил о жене своей и детках:

Хотелось бы скорей их повидать!

Вечерняя заря тоску наводит...

Сергий. Уехали вчера мы из Яицка,

И нынче отдыхаем в чистом поле;

Но не вечерняя теперь заря:

Гляди, — с востока небо засветилось.

Пугачев. Так, значит, я проспал здесь до утра?

Хоть монастырь и в стороне, покамест,

От грозных бурь военной непогоды,

И Софья там с детьми приют надежный

Себе нашла, — но все же мысль о них

Меня не покидает; в шуме битвы

Я слышу голоса своих детишек,

Жену я вижу ясно пред собой, —

Я с ними говорить могу... Все это

Меня тревожит в тягостной разлуке.

Сергий. Ты слишком нежно говоришь о них:
У стен есть уши...

Пугачев. Уши?!

Сергий. Весь дрожал я
В тот миг, когда одно Устиньи слово,
Как мечь любви отвергнутой, могло
Сгубить нас всех; не знал я, что когда-то
Ее любил ты и покинул.

Пугачев. Да,
Мы прошлое привыкли забывать
И все, о чем невесело нам вспомнить,
Из сердца прочь, хоть с болью, вырывать.
Тому семь лет, когда впервые с Дона
Сюда пришел я поискать удачи,
Которой я на родине не знал, —
В ту пору Логинов меня приблизил
И приютил, как бы родного сына.
Устинья с Софьей, дружные соседки,
Как две сестрицы, рядом расцветали;
Молоденькия девочки - подростки
Еще детьми в ту пору были. Вот,
Устинья раньше Софьи расцвела,
Умом и красотой опередила
Свою подругу. Все в ней было чудно,
Все хорошо, — и скоро я увидел,
Что я в нее без памяти влюблен!
Однако — не надолго: нрав Устиньи
Был так неровен, резок, неприятен,
Она была так взбалмошно - капризна,
Язвительной насмешкою своей
Она так больно сердце задевала,

Что все мущины, хоть и восхищались
 Ея цветущей красотою, но
 Все понемногу отошли к сторонке.
 А Софья стала для меня в ту пору
 Утехой в досаде и печали:
 Ей поверял я все свои сомненья,
 Она мирила нас при частых ссорахъ,
 Стараясь умягчить Устиньи сердце.
 Я, наконец, не выдержал, — увидел,
 Что лбом стены не прошибешь. Меж тем
 Заметил я, что Софья полюбила
 Меня, — и вот, решился убежать.
 Я не хотел стать женщины рабомъ —
 И сбросил ненавистныя оковы.
 Посватался я к Софьѣ. Испугалась
 Она, что нам Устинья будет мстить.
 „Не бойся!“ я сказал: „я оберечь
 „Тебя сумею!“ Взял ее с собою,
 Да на коня — и поминай, как звали!
 И счастье в ней я прочное нашел.

Сергий. Но разве ты не думал, что придется
 Тебе с Устиньей встретиться в Яицке?

Пугачев. Я думал, — обойдется. Ведь Калуга
 Жених ея. Для родины своей
 Вражду ко мне она забыть готова.

Сергий. Для родины? Да так ли? Я боюсь, —
 Свидание с тобою пробудило
 В ней прежнюю любовь.

Пугачев. Да, это правда, —
 Она меня любила. А в душе
 От прежняго всегда, ведь, остается

Осадок: даже в ненависти злобной
Есть искорка любви.

Сергий. А знаешь ты,
Что вслед она поехала за нами?

Пугачев. Устинья?

Сергий. Да; и говорят в народе,
Что ты ее возьмешь себе женой.

Пугачев. Женой?

Сергий. От этого не прочь, пожалуй,
И сам наш атаман: ему, ведь, лестно
Царицей видеть дочку.

Пугачев. Что? Царицей?
Да кто посмел такое молвить слово?

Сергий. Багратион признал тебя царем,
Но в доме атамана, ведь, не только
Дочь,—и другие видели тебя,
И им узнать тебя совсем не трудно.
Сомненье — самый злейший яд: тихонько
Ползет оно—и вот, из уст в уста
Уже летает злая сплетня, будто
Не царь ты вовсе, а Донской казак,
По прежней жизни многим здесь известный,
Что у тебя есть и жена, и дети...
Им нужно доказать, что ты свободен,
Что ты — не тот, кого в тебе узнали.
Коль хочешь, гневайся ты на меня,
Но мы вчера в совете порешили,
Что лучшего свидетельства народу
Не может быть, как твой законный брак
С Устиньей, атаманской дочкой.

Пугачев.

Ловко!

И это ты придумал за пирушкой?
 Не стыдно-ль даже пьяному такие
 Затеи вымышлять? Устинью надо
 Сейчас отсюда удалить! Свезите
 Ее назад!

Сергий. Да разве ты не знаешь,
 Что город неприятелями взят?

Пугачев. Так я в дыму пороховом сокроюсь,
 Чтоб на лице моем никто не видел,
 Что у меня есть дети и жена!
 Царицею Устинья будет? Шутки!
 Но день уж начался. Не след при солнце
 На глупости такая тратить времени.
 Подай - ка саблю!

Сергий.

Вот, идет Калуга.

ЯВЛЕНИЕ II.

Те же и Калуга.

Пугачев. Калуга? Ну, поди сюда, жених!

Калуга. Глумиться надо мною ты изволишь?
 Тем двум полкам, которые сюда
 Я сам привел для помощи восстанью,
 Я дал приказ — идти назад. Прощайте!

Пугачев. Куда-ж ты поведешь свои полки?

Калуга. Конечно, — не к врагам; но и с друзьями,
 Когда они предательский удар
 Замыслили, нельзя мне оставаться.

Пугачев. Чем недоволен ты?

Калуга. Твоим злодейством,
 Твоим безбожным, дьявольским коварством!

Что ты царем назвался, — мы причина;
 Тут жребий был, — твоей вины в том нет;
 Но ты идешь теперь гораздо дальше:
 Теперь свою ты сбросил скорлупу
 И жизнь двойную повести задумал,
 Прикрывшись царским званьем.

Пугачев.

Я тебя

Не понимаю.

Калуга.

Разве ты не хочешь

Обзавестись царицей, — с позволения
 Казанского епископа себе
 Устинью взять, и от живой жены
 С другою повенчаться?

Пугачев.

Повенчаться?

С другой женой? Да это слышу я
 Своими - ли ушами? Кто - ж из нас
 Сошел с ума: вы или я?

Калуга.

Ступайте

Своей дорогой, — я вам не попутчик,
 И брат Казань не стану помогать!

Пугачев. Так я в Казани должен повенчаться?

Другую взять придется мне жену
 И разделить на - двое? Скажите,
 Какой подлец измыслил этот вздор?

Сергий (*тихо Пугачеву*). Будь осторожнее

в словах: ведь только

У атамана войско взять ты можешь;
 ▲ потому прикрой свои ты чувства
 ■ мыслям дай туманный оборот.

Пугачев. Женат — и холостой? Отец —

бездетный?

Сергий. Не выдавай себя, — не допускай,
Чтобы в народ сомнение закралось!

Пугачев. О, рабские оковы! Ведь преступник
На каторге свободнее, чем я,
Прикованный к названью государя!
Калуга! И в твоих руках когда-то
Был жребий, что меня царем поставил;
Зачем меня, а не тебя? Богатый,
Свободный, мог бы ты легко принять
Всю тяжесть на себя и с ней сродниться.

Калуга. Знать — честным быть совсем не так легко?
Я нищему мог подарить корону,
Но не Устинью, — я ее люблю!
Предательски ты с нею обошелся, —
Могу ли я теперь тебе служить?
Ступай, иди своим путем, — найдешь ты
Дорогу в Петербург и без меня.

(Хочет уйти).

Пугачев. Калуга, стой и слушай! Берегись
Подать малейший знак для отступленья
И в войске нашем возбудить мятеж!
Мои войска так связаны со мною,
Как жизнь и смерть; я этих беглецов,
К порядку непривычных, общей целью
Спаял в единый, тесный круг, — и ты
Посмеешь мне мешать в моем стремленьи,
Посмеешь бросить в них зерно измены
И подорвать уверенность в царе?
Да только пикни, — смерть тебе! Хотели
Меня царем поставить? Хорошо же!
Теперь увидите, каков я царь!

(Уходит).

Сергий (*Поспешно собирая бумаги, Калуге*).
 Несчастлив ты в игре, — да и в любви;
 Так исполняй, что старшие прикажут.
 (*Уходит*).

ЯВЛЕНИЕ III.

Калуга, потом Вородин.

Калуга. Ты тоже заодно с ним, поп? Донуны
 Меж казаков я славился богатством,
 Все были у меня в долгу, — все племя,
 От старого до малого, — и что же?
 Теперь я должен слушаться другого
 И молча покоряться пришлецу?

Вородин (*быстро входит*). Ты здесь, Калуга?
 Живо, на коня!

Кругом нас пыль столбом стоит, и сотни
 Несчастных беглецов, детей и женщин,
 Спешат укрыться в лагерь наш.

Калуга. Гроза
 Идет!

Вородин. Лазутчики нас извещают, —
 Сам Бибилов идет с огромным войском,
 И видны уж его штыки.

(*Осматриваясь кругом*).

Никто

Не слышит нас? Представь себе мой ужас:
 Вдруг из толпы, бежавшей в беспорядке,
 И стариков, и женщин, и детей,
 Я слышу женский голос: „Вородин!“
 „Эй, Вородин!“ Остановил я лошадь —

И вижу, — нет, да ты подумай только,
Кого я вижу? Софью Пугачеву!

Калуга. Что? Софью?

Вородин. Да, ее, — жену царя!

Бежит ко мне... Пришпорил я коня,
Поводья отпустил — и поскорее
Бежать!

Калуга. Да верно ли?

Вородин. Сказал я, — Софья,
С обоими детьми!

Калуга. Да где - ж она
Теперь?

Вородин. Что, если вздумает народу
Она безумное промолвить слово?

Калуга. Я позабочусь обо всем, — не бойся;
Я уведу ее.

Вородин. Куда? Подумай,
Как эта женщина теперь опасна;
Припомни только, что́ вчера в совете
Решили мы!

Калуга. Ты, значит, с ними тоже?
Не беспокойся: прочь от вашей свадьбы
Я Софью уведу. Лишь укажи,
Где видел ты ее, а я поставлю
Ее на настоящую дорогу!

(Оба уходят).

ЯВЛЕНИЕ IV.

Пугачев (входит, задумавшись). Так, значит, я
не властен над собой?
Теперь я — только тень моей же тени?

Лишенный воли собственной, я должен
 Чужою жизнью жить? И как болякой,
 Пред смертью в зеркале свой лик увидя,
 Пугается, как будто привиденье
 Явилось перед ним,—так я теперь
 На самого себя смотрю... Помедли,
 Былого тень! Не покидай меня,
 Мой прежний дух! Не уходи, останься!
 Иль ты меня не знаешь, Емельян,
 И не могу я снова стать собою?
 Возьми меня с собой! Ведь не моя
 Вина, что я из прежней вышел жизни!
 Я не стремился к ложному венцу,
 Я не искал фальшивых горностаев!
 Ведь только случай жалкий и слепой
 Вдруг подхватил и закружил меня
 В кровавой этой пляске возмущенья.
 И мог ли я противиться ему?
 Когда меня царем поставил жребий,
 Царем я должен быть,—и так легко
 Мне это представлялось; но отречься
 От самого себя и стать другим,
 Чужим, нездешним,—о, как тяжело!
 Ведь нет на свете нищего такого,
 Которому бы жизнь не представлялась
 Сокровищем! Конечно, не богатство
 Тому виной, не дружба, не любовь,
 А только самое существованье,
 Привычка к жизни, память о минувших
 Несчастиях и радостях. И вот,—
 Всем этим я пожертвовал... нет, больше:

Любимую жену, детей-малюток
 Я в жертву должен принести обману
 И сном всю правду жизни подменить!
 Нет, ни за что! У мертвеца нередко
 Бывает трудно с пальца снять кольцо
 Венчальное: оно срослось с телом.
 Вот, так и я с кольцом своим венчальным
 До гроба не расстанусь.

(Хочет идти. Слышен барабанный бой и трубы).

Барабаны

Зовут в поход; моих распоряжений
 Ждет войско; неприятель близко к нам,
 А силы наши далеко не крепки.

(Опять барабаны).

Опять зовут! И я—тот человек,
 Избранный и поставленный судьбою,—
 Тот, на кого обращены все взоры! *(Трубы)*

Что ж делать? Может быть, еще не поздно
 Уйти мне прочь от этой тяжелой доли?

Я чувствую: я стану подниматься
 Все выше, выше, к полному забвенью
 О прежнем Пугачеве,—к новой жизни,
 В которой может от меня судьба
 Потребовать великих злодеяний...

Не в силах я таким путем идти!
 Нет, добрый дух, что до сих пор меня
 Поддерживал в невидной, скромной доле,
 Не уходи, не покидай меня!

Я призван для спасения народа,
 И эта цель горит в душе моей;
 Но что для этой цели надо столько

Пожертвовать, и ради блага ближних
 Свое на растерзанье бросить сердце,
 Отдать жену, детей,—не может быть!
 Что хочет, пусть об этом говорит
 История,—пускай героев прославляет,
 Но в жизни—нет,—такого не бывает!
(Бросается в кресло и закрывает лицо).

ЯВЛЕНИЕ V.

Пугачев, Устинья в роскошном полу-мужском наряде и вооружении—медленно входит слева. **Пугачев**, увидя ее, пугается.

Пугачев. Кто здесь? Устинья,—ты? Оставь меня.

Устинья. К походу все готово; нужен только
 Пароль.

Пугачев. Пароль?—София!

Устинья. Значит,—мудрость

Пугачев. О, нет: любовь!

Устинья. Ну, как тебе угодно:
 Ведь с мудростью любовь живет в ладу.

К тебе сейчас ведут послов: они
 Из Оренбурга думали пробраться
 И к Бибикову перейти; нашлись
 У них бумаги с измышлением, будто
 Тебя зовут Емелькой Пугачевым.

Пугачев. Так пусть прочтут бумаги те народу!
 Всем знать пора, кто я такой,—и время
 Меня избавить от несносной лжи.

Устинья. Ты бредишь, государь? Иль шутки шу-
 тишь?

Себя назвать ты хочешь Пугачевым?
 Ты—Пугачев? Его я хорошо
 Когда-то знала; ты—совсем другой!

Пугачев. Устинья, не шути, не издевайся
 Над тем, кого ты злобно ненавидишь,
 Как ненавижу тебя—за то.
 Что сделать ты когда-то захотела
 Меня игрушкой прихоти своей!

Устинья. Ты—Пугачев? Да разве на моем
 Лице ты видишь злобу? разве голос
 Мой выдает желанье мести? Полно!
 Ведь я покорно пред тобой склоняюсь
 И жизнь тебе на жертву приношу.

Пугачев. Ты хочешь победить великодушьем?

Устинья. Но ты меня ничем не оскорбил.

Пугачев. Да разве время ненависть хоронит?

Устинья. От времени растет в душе любовь.

Пугачев. Так, значит, ты любить притворно хочешь
 Того, кто отказался от тебя?

Устинья. Кто отказался? Злобы ни малейшей
 Я не питаю к прошлому. Навеки
 Тот Пугачев, кого напомнил ты,
 Из памяти моей исчез.

Пугачев.

Устинья!

И ты не хочешь повторить проклятий,
 Которые на голову мою
 Когда-то призывала? Хочешь ты
 Быть ангелом любви и примиренья?
 Я не хочу любви твоей! Тебя
 Я ненавижу, и в глазах твоих
 Хочу я видеть ненависть и месть!

Устинья. Я стану мстить—царю и государю?

Пугачев. Зачем зовешь меня ты государем, Устинья? Выбери другую пытку:
Припомни прошлое, скажи, как я
Гонялся за тобой, когда же ты
Сама пошла ко мне навстречу,—грубо
Я оттолкнул протянутую руку.

Устинья (*с подавленным гневом*). Ты бредишь!

Пугачев. Разве это все—не правда?
Иль на жене моей сорви ты сердце,—
На женщине, которую я выбрал
Взамен тебя,—на ней сорви свой гнев!
Готов принять я все удары злобы.

Устинья. Царица пребывает в Петербурге,
Ее зовут Екатериной. Только
В Казани, взятой нашими войсками,
Иль в Зимнем императорском дворце
Расторгнуть может церковь этот брак.

Пугачев (*гневно*). Коварная предательница!

Хочешь

Поймать меня в расставленную сеть?
Нет,—слишком высокò поднялся я,
Глубоким должен кончить я паденьем!
Устинья! Если прежняя любовь,
Как искра, все еще под пеплом тлеет,
Коль в сердце самый слабый отголосок
Найдешь ты чувству прежнему,—молю,
(*протягивает ей кинжал; она быстро хватает его*)
Избавь меня от этой тяжелой муки,
Убей меня!

(*Бросается перед нею на колени*).

ЯВЛЕНИЕ VI.

Те же и Калуга. Вслед за ним—Пленники из Оренбурга (в кандалах), Логинов, Воронин, Сергей и казаки.

Калуга.

Сюда ведите пленных!

(Увидев Пугачева на коленях).

О, государь! Что скажут эти люди,
Коль вас увидят на коленях здесь?

(Устинья роняет кинжал. Пугачев медленно
встает, осматривается кругом и, пошатываясь,
идет к столу).

Сергей. Вот наши пленники из Оренбурга.

У них нашли сомнительные письма
На имя Бибикова.

Пугачев.

Кто в оковах,

Тот сомневается во всем, а честно

Поверить может лишь свободный. Снять

С них эти цепи!

(Снимают).

Логинов.

Признаёте ль вы

Петра Федоровича законным

Всея Руси царем и государем?

(Пленники кланяются. Туш).

Калуга (в сторону). Перед Устиньей встал он
на колени,—

Так пусть теперь поплатится за то! (Громко).

Тут женщина какая-то в палатку

С речами странными ворваться хочет,

И просится, и требует, с детьми,

Чтобы ее впустили,—вот она!

ЯВЛЕНИЕ VII.

Те же и Софья.

Пугачев, увидев ее, радостно вскрикивает и бросается к ней навстречу. Все, ее узнавшие, в ужасе.

Устинья. Как? Софья?

Софья (*бросается к Пугачеву*). Емельян! Тебя ли вижу?

Мой Емельян! Сюда, Алеша, Ваня!

Там дети ждут отца,—тебя, мой милый,

Мой ненаглядный! Сердце замирает

От радости,—нет слов на языке!

(*Пугачев, овладев собою, постепенно освобождается от нея*).

Вородин (*Калуге*). Что ты наделал? Ты сгубить нас хочешь?

Софья. Бежала я от ужасов войны!

Об нас ты позаботился с любовью,

В монастыре убежище нашел,—

Мы там укрылись мирно и надежно.

Но, вот, кругом пожаром загорелись

Деревни, села, рощи и леса;

Огонь все ближе, ближе,—раскаленной

Сама земля под нашими ногами

Казалась нам; днем солнца не видать

За дымом, ночью зарево сияет...

Наш монастырь враждебными войсками

Был окружен, святой наш старец Иов,

Сраженный сабельным ударом, пал,—

И тысячи несчастных беглецов,

Спасаясь от напасти, устремились,

Куда глаза глядят. Забрав детей,
 Среди этого всеобщаго смятенья,
 С толпою вместе я пустилась в путь.
 Вот, наконец, к своим мы добежали;
 Везде ищу, зову я Пугачева;
 Всех спрашиваю: где же Пугачев?
 И вдруг—о, радость!—нахожу я мужа!
*(Снова бросается на грудь к Пугачеву. Он стоит
 неподвижно).*

Логинов *(тихо)*. Прочь пленников!

Бородин *(так же)*. Их перебить бы надо,
 Чтоб не было свидетелей.

Сергий *(тихо Пугачеву)*. Подумай
 О родине, о счастье народа!

Софья. Да что с тобой? Ты холоден, как лед,
 И слезы на глазах—меня не обнял
 И не сказал ни слова? Что с тобой?

Логинов. Безумная, ступай отсюда прочь!
 Зачем пришла? Убрать ее скорее!

Пугачев. Посмейте только! Голову долой
 С того, кто к ней коснется! *(В сторону)*
 Боже, Боже!

Зачем в груди не каменное сердце?
 Зачем я лютым волком не рожден?

Софья. Да что же это? Люди ль предо мною,
 Иль вижу сон тяжелый? Неужели
 И впрямь с ума сошла я? Емельян!
 Иль ты жены своей признать не хочешь?
 Да разве ты—не Пугачев?

Логинов. Довольно!
 Ведите прочь ее!

Пугачев.

Не смей! Назад!

(Про себя).

О, что за мука! Самому с собою
Приходится расстаться,—изменить
Своей душе... Но будь, что будет! Должен
Народу я пожертвовать собой!

(Овладев собой, величественно).

Вы, пленники! Сомненья ваши могут
Умножиться от этого свиданья;
Но слушайте, что я вам говорю:
В ворота к вам я скоро постучусь
И рассчитаюсь с вашими друзьями,
С чиновниками, судьями, дворянством;
Я разорю позорное гнездо
Торгующих на рынке крепостными!
Ступайте. Можете болтать свободно,
то ум придет. Узнаете, кто я.

(К Софье—грустно, но решительно).

Ты, женщина,—скажи, кто ты такая?
Мне показалось, будто знал тебя
Когда-то я; но я ошибся. Кто ты?

Софья. О, Боже мой! Да где же дети наши?
Быть может, им удастся побороть
Безумие отца. Где наши дети?

Сергий *(удерживает ее)*. Их спрятали.

Софья.

Ты, значит, заодно

Со всеми, отче Сергей?

Пугачев.

Ты, как будто,

Знакома с Сергием? Так, вот, ему
Тебя с детьми я поручаю: мужа
Найти поможет он тебе. Постой-ка!

Емеля Пугачев? Да я его,
Как будто, знаю? На меня похож он
И ростом, и лицом? Да, да,—я помню:
Он верным был слугой и много раз
Мне помогал. Теперь за нашим войском
Ступай в Казань. Увидимся мы там,
Поговорим о детях. Видишь,—вышла
Ошибка здесь: не тот я, за кого
Меня сочла ты, да и я тебя
Сначала за другую принял. Нет!
Тебя я раньше—никогда—не видел.
(*Готов разрыдаться, но быстро овладевает собою*).
Трубите, трубы! Бейте, барабаны!
Знамена распустить! В поход! В Казань!
(*Быстро уходит*).

З А Н А В Е С.

Действие четвертое.

Картина I.

Холм, поросший лесом, с видом на равнину. На заднем плане видна Казань.

ЯВЛЕНИЕ I.

Виби́ков сидит на пне и смотрит в подзорную трубу на Казань.—**Перфи́льев.**

Виби́ков. Возьми трубу, Перфи́льев,—погляди ; Мои глаза от этих стекол слепнут.

Перфи́льев. Здесь все места и без того я знаю. Вон—речка извивается Казанька, Там—куполы, татарские мечети : Ведь много здесь татар, да и евреев, И православных,—места хватит всем !

Виби́ков. А там, повыше ?

Перфи́льев. Это—Кремль Казанский.

Виби́ков. Здесь разобьются волны мятежа ! Легко сказать : ведь третья часть России Теперь в руках у самозванца !

Перфи́льев. Что же, В Казани приготовились встречать Императрицу ? Чай, с огромным войском Придет ога ?

Виби́ков. Довольно только слова Из уст ея,—и все воспламенится Для должного отпора наглецу.

Перфильев. Да, это так; но разрешите, ваше Сиятельство, напомнить просьбу вам
Об отпуске и ваше обещанье.

Вибигов. Нет, погоди, Данила: ты не можешь
Оставить так больного; я к тебе
Привык и полюбил тебя. В тебе
Я вижу образ русского народа.
В Европе русских просто презирают,
Но в том не их вина,—вина царей;
Нет, русский человек чудесным сердцем
От Бога наделен; когда любить
Он своего не может господина,
Тогда в его душе идет борьба:
Куда пристать, направо иль налево?
Он никого не хочет огорчить—
И оттого легко меняет чувства.

Перфильев. Прикажете ли вам проводником
Служить в походе к Оренбургу?

Вибигов.

Нет,

Я подожду с разведками покамест.
Когда пытаюсь ближе распознать
Сокрытые причины всех событий,—
Невольный ужас в сердце западает!
Я знаю, не лежит душа твоя
К тому, за что сражаюсь я, Данила;
Да я и сам сражаюсь неохотно.
Здесь борются не люди, а понятия;
Страдаем мы за старую вину!
До листопада только ты, голубчик,
Побудь со мной, а там—свободен будешь.
Теперь идем, води меня в Казань. (Оба уходят).

ЯВЛЕНИЕ II.

Софья, Иван и Алексей. Потом **Перфильев.**

Софья (*в изнеможении садится на пенъ*).

Здесь отдохнем. Я дальше не могу.

Алексей. Ах, матушка! Мы сбились с дороги!

Иван. Здесь, кажется, не наши, а такие,

Что были под монастырем.

Алексей.

Позвать бы

Отца нам Сергия!

Софья.

Нет, нет,—молчите!

И сами до Казани мы дойдем.

Алексей. Смотри-ка, матушка, гляди—кто там
Ведь это, право, дядюшка Перфильев!

Иван. И вправду он. Эй, дядюшка! Сюда!

Софья. Не надо звать: он не узнает нас.

Иван. Сюда идет!

Софья.

Пускай проходит мимо.

Алексей. Что ж не позвать?

Софья.

Молчите, говорю!

Перфильев (*про себя*) Нет! Слишком сильно дух
свободы веет!

Не в силах я остаться дольше здесь:

Лазутчиком противно притворяться!

Получше дело я себе найду,

Чем утешать больного генерала.

Прощай! В Казани с ним разстанусь я

И своему свободному народу

Пойду служить, свободный и счастливый!

Но что за женщина здесь, на пути,

С двумя детьми? О, Боже! Это Софья?—

И мальчишки... Да ты ли это, Софья?

Дай руку мне! Никак не ожидал

Вас встретить здесь; как вы сюда попали?

Иван. Никак отца не можем разыскать.

Перфильев. Отца? ... Да что с тобой, скажи мне,
Софья?

В себе ли ты? Кто вас привел сюда?

Алексей. Привел нас Сергей,—но теперь его
Мы потеряли.

Перфильев. Сергей? Это странно...

Вы, значит, Емельяна не видали?

Софья. Я видела.

Перфильев. Что ж вы с ним не остались?

Софья (бросается к нему на грудь).

Ах, дядя, никому не говори!

Он не признал меня,—не захотел он

Меня признать!

Перфильев. Как? Отказался он?

Софья. Мне сердце он на части разорвал!

А рядом с ним, победой величаясь,

Была—Устинья!

Перфильев. Неужель ты веришь

Пустой и глупой сказке?

Софья. То не сказка!

Перфильев. Но... знаешь ли... он поступить
иначе

Не мог,—не смел признать тебя твой муж.

Софья. Не смел он,—это правда. Полюбил он
Змею—разлучницу, меня с детьми

Отбросил прочь!

Перфильев. Да это быть не может!

Не станет Емельян в пылу войны
 Позорными делами заниматься!
 Нет,—вижу я, теперь нельзя мне медлить!
 К нему пойду я прямо и напому
 Ему о вас. Ты говоришь,—Устинья?
 И он тебя не захотел признать,
 И Сергию препоручил доставить
 Он вас в Казань? Что ж? Это хорошо!
 Вон там, в Кремле, есть монастырь Владычный,—
 Надежное пристанище для вас.
 Идите все по этой, вот, дороге:
 Она вас прямо приведет в Казань;
 Там доберитесь до монастыря
 И у дверей мое скажите имя,—
 И пустят вас. Повремени же, Софья,
 Немного: скоро вновь меня увидишь.
 Прощайте! Не тужите! До свиданья! (*Уходят*).

Перемена декорации.

Картина II.

Зал в императорском дворце в Казани. Столы, кресла.

ЯВЛЕНИЕ III.

Разумовский и Бибииков.

Разумовский. Впервые вам приходится
 здесь быть,

В преддверии России Азиатской?

Бибииков. Когда-то, в юности, я был в Казани,
 Но и во сне не снилось мне, что войско
 Разбитое сюда вести придется.

Ко мне царица милостива,—я:
Заслуживал бы по-просту отставки

Разумовский. Бороться нам легко с глухою страстью,
Но тягостна борьба с слепой мечтой.
Императрица чувствует сама,
Как страшно биться с призраком безплотным;
Она в душе переживает бурю...
Что делать ей? Удар направить грозный
В Орлова твердокаменную грудь —
Не менее опасно, чем поверить
В воскресшего царя: ведь вера эта
Почти невольно скептиков пленяет.

Вибииков. Что? Вера в воскресение Петра
Феодорыча? Неужель царица,
Высокопросвещенный друг Вольтера,
Поверит в привиденье?

Разумовский. Граф, я думал,
Что на самом себе вы испытать
Могли всю силу этих привидений.
Припомните те дни, когда на трон
Семирамида Севера вступила:
Любви к супругу не было у ней,
Они всегда друг другу были чужды;
Но как она его лишилась? Разве
То был не сон? Восстанье — для нея
И без нея. Как будто в ослепленьи
Пред сказочной судьбой своей стояла
Тогда императрица молодая;
Действительность лишь в ту минуту ей
Представилась, когда о смерти мужа
Пришла к ней весть, — и эту весть она

Хоть поняла, но все ж понять боялась.
 Что император был низложен, — знала
 Его супруга; было ей известно
 И бегство государя; но кончина?
 Да вправду ли он умер, — иль бежал?
 Ведь нет его кончины очевидцев;
 Из всех один лишь только может верно
 Сказать, кто в Александро-Невской лавре
 Похоронен под именем Петра:
 Один Орлов про это знает. Но
 Известно вам, что ум его расстроен,
 И что ему мерещатся виденья.

Виби́ков (*про себя*). О нет! Мне это вовсе
 не известно:

Я помню, что о Польше он сказал.

(Громко).

А если тот и вправду император?

Разумовский. О, в этом случае императрица,
 Конечно, возвратит ему венец.
 Но, вот, смотрите, — к нам она сама
 Идет сюда — глаза ея сверкают —
 Что с нею? Подождите, милый граф!

ЯВЛЕНИЕ IV.

Те же и Екатерина со свитою.

Екатерина. Любезный Биби́ков! Я очень рада,
 Что лично вас могу благодарить.
 Ведь после пасмурного дня бывает
 Все жь иногда приветливый закат;
 Так и теперь: чего вы не могли

Доставить мне победой, то неожиданный
Мне случай подарил.

Разумовский. Счастливый случай?

Екатерина. Нежданный — да; счастливый ли, —
Бояться или радоваться мне. не знаю:

Вибииков. Что жь это было?

Екатерина. Здешний комендант
Сейчас донес, что у Кремля схватили
И привели сюда, с двумя детьми,
Законную супругу самозванца.

Разумовский. Ту женщину, которая недавно
Злодея перед всеми обличила,
Емелькой Пугачевым назвала?

Екатерина. Ту самую.

Разумовский. Так пусть она расскажет,
Как было дело.

Вибииков. И тогда Россия
Узнает, жив ли наш почивший царь.

Екатерина (*про себя*). В Россию верю, — страшно
за Орлова:

Коль вправду — царь, тогда Орлов невинен;

А если нет, — корона заблестает,

Но воцарится мрак в моей душе!

(*Стоит, задумавшись*).

Разумовский. Ее ведут.

ЯВЛЕНИЕ V.

Те же, Софья с детьми. Офицеры.

Разумовский. Известно ль ей, куда
Ее ввели?

Екатерина. Пусть лучше и не знает.
Князь Разумовский, говорите с ней.
(Садится. Бибиков становится у нея за стулом).

Разумовский. Сюда! Поближе! Ближе подойдите!
(Софья и дети подходят).

Скажи мне, как зовут тебя?

Софья. Я — Софья.

Разумовский. Жена Емельки Пугачева?

Софья. Да.

Разумовский. А дети — тоже Пугачева?

Софья. Тоже.

Разумовский. Ты перед всеми это признаешь?

Я знаю Емельяна Пугачева:

На всякое безумство он готов.

Донской казак, он был в войне турецкой,

При штурме графом Паниным Бендер,

Опасно ранен; а затем вы с Дона

Переселились на Яик?

Софья. Так точно.

Разумовский. Однажды он ужь побывал в Казани,

Да не по доброй воле, а в тюрьме,

За речи бунтовския. Убежал он.

Быть может, государыня могла бы

Помиловать его, — но злая сила

Влекла его все дальше по пути

Злодейства. Так или не так?

Софья. Не знаю

Я, ваша милость, что сказать на это...

Разумовский. Напрасно ты оправдывать его
 Пытаешься. Ведь в доброй половине
 Отечества нарушил он порядок,

Веками освященный, дерзко поднял
Кровавые знамена мятежа.

Так он и вправду муж тебе?

Софья.

Мой муж

Возненавидел рабство и дворянство,
Но графу Чернышеву за обиду
Отмстить, — поднялся весь народ.

Разумовский.

Народ?

Неправда! Нет, виновник возмущенья —
Один твой муж! Он растоптал законы,
Везде уничтожает все начальство,
На волю отпускает крепостных,
А для того, чтобы своим злодействам
Придать хоть тень законности и права,
Он, пользуясь народной темнотою,
Дерзнул царем назваться, — да, царем,
Петром Федорычем Третьим, — он,
Простой казак, Емелька Пугачев!

Софья (*в лихорадочном возбуждении*).

Как вы сказали? Что? Царем? Так, значит...

Разумовский. Теперь ты видишь, в чем

его вина?

Поймешь ты, почему он отказался
Признать тебя и собственных детей?

Софья. *Поэтому, поэтому* лишь только
Признать меня с детьми он не хотел?

Разумовский. Была ты в ставке, видела сама,
Как нагло он злодейством величался.
Ну, расскажи, как он тебя прогнал!
Твоим рассказом дело об'яснится,
И прекратится наглый тот обман.

Софья (*собравшись с силами, говорит быстро, с живою радостью*).

Когда явилась я в казачью ставку
 С обоими детьми, — там я толпою
 Была совсем оглушена; кругом
 Повсюду развевались знамена
 С иконами святыми; казаки
 Сидели на конях и песни пели,
 Точили сабли, пули отливали
 И пробовали ружья и пистолы;
 Ну, словом, все готово было к бою,
 И все кипело, словно как в котле.
 Вперед пробравшись, мужа я искала;
 Его все знали, но никто не мог
 Мне указать; я знала, — он с народом,
 Наверно, — там, где больше казаков.
 С толпой пошла я дальше; наконец,
 Остановилась у большой палатки:
 Пред ней стоят знамена золотыя,
 И генералы входят и выходят
 С приказами. Вошла туда и я.
 Вдруг вижу человека: он лицом
 И ростом был похож на Емельяна.
 Бросаюсь я к его ногам, зову
 Его своим я мужем, Пугачевым,
 Хочу обнять... А он молчит сурово,
 Не двигаясь... Я вздрогнула, взглянула
 В его лицо, — страх обуял меня:
 То был...

Екатерина (*встает*). Твой муж?

Софья.

О, нет! Совсем не он!

Вибиков. И это говорить дерзаешь ты
Пред государыней?

Софья.

Сама царица!

(Падает на колени).

Сама Екатерина! На колени
Со мною, дети! Поклонитесь ей,
Великой государыне-царице!
Железные об'ятыя раскрывает
Супругу своему Екатерина,
Его целует ядрами, картечью!
Я следую царицыну примеру
И громко говорю: не муж он мой!

Разумовский. Какая дерзость! Взять ее под стражу!

Софья. Ну, что ж? Меня в тюрьму вы отведете,—
Но на Руси ужь больше тюрем нет:
Со всех спадают ржавые оковы,
Везде народ приветствует свободу!
Могилы раскрываются—мертвец
Надел венец живых,—мертвец-ли, полно?
А если не мертвец, а вправду царь?
Но, кто бы ни был он, возставший ныне
Твой победитель, гордая царица,—
Царь ложный или подлинный,—одно я
Скажу: что он—совсем не Пугачев!

Екатерина *(в волнении)*. Ея свидетельство нам
бесполезно;

Отпустим же ее. Куда ты шла?

Софья. Хотела в Кремль, в тот монастырь
Владычный.

Екатерина. Пускай идет.

(Софья с детьми уходит).

Разумовский. Таков и весь народ наш,
Своим фальшивым счастьем ослеплен!

Екатерина (*про себя*). Один Орлов разрушить
может чары!

Разумовский. В приемной ждет казанское
дворянство.

Не Русь одна, но целая Европа
Дивится сей междоусобной брани;
Кем будет бой победно прекращен?
Кому вручить изволите начальство?

Екатерина. Один лишь вождь сломить сумеет силу
Враждебную, с противником упорным
Вступить в открытый бой, лицом к лицу.
Князь Разумовский! Объявите всем,
Что Бибиков провел поход со славой,
Но тяжкою болезнью удручен,
А потому решила я призвать
Немедленно Григория Орлова
И поручить ему докончить дело.
Так я решила,—пусть и будет так!

(*Уходит со свитою*).

Разумовский. Орлова? Ну, теперь все прояснится!
(*Уходит*).

Бибиков (*один*). А у меня в душе настала ночь...
Да, Бибиков, пора тебе подумать
О надписи надгробной! Как бишь это
Перфильев мне советовал? Какую
Мне эпитафию придумал он?
Ах, да: одну лишь строчку, и не больше:
„Разбито сердце в нем разделом Польши“. (*Уходит*).

Перемена декорации.

Картина III.

Палатка в Ставке Пугачева. Столы, покрытые коврами, кресла, скамьи. Смесь роскоши и нищеты. На столах—зажженные свечи и кости для игры. На авансцене—стол с большим креслом, около которого маленькая скамейка. За сценою веселая музыка.

ЯВЛЕНИЕ VI.

Логинов. **Бородин** и другие казачьи старшины входят, полу-пьяные. Потом—**Перфильев**.

Логинов. Не спорь со мною, Бородин: я чашу беру себе, покров велю изрезать
Я на попоны лошадям.

Бородин. Стыдись!
Ведь это—святотатство! Государь
Приказывал—церквей не трогать!

Логинов. Ладно!
Ведь я—раскольник, и церквей я ваших
Знать не хочу!

Вина сюда и кости!
(Все садятся. Составляются группы для попойки и игры).

Перфильев (входит). Здесь старшины: вино, да кости, карты,—
Вот чем они приветствуют свободу!
Своим царем они уж недовольны:
Он не велит им вольничать и грабить,

И, кажется, мятеж они поднять
Против него задумали. Да разве
За ними, без царя, народ пойдет?
Ах, вот и царь! О, Господи, как бледен.
Глаза горят... Совсем он, видно, болен;
Что с ним?

Вородин. Потихе! Государь идет:

Логинов. Пускай себе! Не все ли нам едино?

ЯВЛЕНИЕ VII.

Те же и Пугачев — входит, задумавшись, и, не обращая ни на кого внимания, садится в кресло на авансцене.

Перфильев (*в сторону*). Задумался... Едва ли
только думы

О будущем его тревожат,—нет!
Скорее—о прошедшем, о семье,
О клятвах тех, которые нарушил,
О лжи, которой предал он себя...
Заговорить с ним? Он меня не видит...
Зачем так странно руку поднял он?

Пугачев (*медленно пишет пальцем в воздухе
букву П*). Подписывать должны мы, отче Сергей?

Ну, вот, я написал *Покой и Три*:
Петр, значит, Третий,—и довольно! Буквы,
Одной лишь буквы слушаются все!
А где же детки? Ну, вы поиграли
Моей короной,—так и спать пора!
Ступайте-ка в постель, да спите крепко

А ты им, Софья сказку Расскажи,
 Как было два орешка в скорлупе
 Одной, — орех-двойчатка; раскололась
 Скорлупка — и орешки врозь пошли!

Перфильев (*в сторону*). Все про себя он
 говорит, — про Софью,
 Да про свою двойную жизнь: и царь,
 Да и не царь!

Логинов. А где ж Устинья? Что же
 Вина не поднесет ему?

Вородин. Идет!

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Те же и Устинья, в роскошном сарафане, с волосами, заплетенными в косу. Перед нею идут два Пажы один — с серебряным канделябром, другой — с золотым подносом, на котором стоит золотой же кубок.

Перфильев (*в сторону*). Устинья здесь? Ну, что-то я увижу!

Один из пажей ставит канделябр на стол, у другого Устинья берет поднос с кубком. Пажи уходят. Устинья идет к Пугачеву. Все встают. Перфильев отходит в угол.

Вородин. Ну, угощай его, да хорошенько, чтоб выгнать дур из буйной головы!

Логинов. Сказать по правде, нам уж надоело возиться с полоумным. Если нынче с тобой не обручится он, то, право, убью его, без дальних разговоров!

Устинья. Царицей только видеть вы меня
Хотите? Я давно царицей стала;
Не то мне нужно: я хочу любви,
Хочу я сердце дикое заставить
По моему велению биться!
(*Подносит Пугачеву кубок; он пьет. Устинья са-
дится на скамейку у его ног.*)

Перфильев. Вот как!
Да он и вправду стал ручным теперь!
Пугачев (*ни глядя ни на кого*). Я плакал—слез
моих ты не видала;

В душе — огонь, а лед — на языке!
Перфильев. Он только Софью видит пред
собою!

Пугачев. Мой первый брак торжественно
развенчан,
В моих слезах огонь его погас;
Но, вот, — сойдут снега, весна настанет,
Распустятся зеленые листочки,
И ласточка завьет себе гнездо, —
И мы тогда с тобой, жена моя,
Кольцом заветным снова обручимся!
(*Снимает с пальца кольцо.*)

Возьми его!
(*Устинья хватает кольцо. Общее удовольствие.*)
Перфильев (*бросается къ Устинье и вырывает
у нея кольцо*). Прочь, чортово отродье!

Все (*в смятении*). Что это? Кто? Измена!
Перфильев. Не узнали?
(*Хватает кубок, бросает в него кость и сту-
чит ею.*)

Гляди сюда! Тринадцать! Иль не помнишь?
Я пятым был на жеребьевке той!

Логинов. Перфильев!

Вородин. Но чего жь теперь ты хочешь?

Пугачев (*как бы проснувшись, осматривается кругом*). Кто здесь? Где я? Кто это говорит?
Кто говорил здесь о весне? И где же
Кольцо мое?

Перфильев (*указывая на свой палец, на который он надел кольцо*). На дружеской руке!

Пугачев. Что это,—сон, иль наяву я вижу
Тебя? Перфильев! Это ты?

(*Перфильев открывает об'ятия, Пугачев бросается к нему на грудь*).

Перфильев.

Проснись!

Твой друг тебя не выдаст!

Вы же все,

Кто не забыл рождественской той ночи,
Кто помнит о священной клятве нашей, —
Все на колени перед государем!
Что? Не хотите? Логинов! Ты раньше,
Клялся ему всю жизнь свою отдать, —
Теперь же ты задумал возмущенье?

Логинов. В пари его пожаловали мы, —
Мы и разжалуем!

Перфильев.

И смеешь, атаман,

Ты это говорить у стен Казани?

Логинов. Пусть будет настоящим он царем,
Пускай свою покажет власть и волю!
Зачем не хочет в жены взять Устинью?
Народ ждет от него чудес...

Перфильев.

Молчи!

Злодейство ли ты чудом называешь?

Скорее—на колени пред царем!

Логинов. Что? на колени перед этой куклой,
Что нами же поставлена? Ну, нет!

Его я самозванцем оглашу,

И имя настоящее в лицо

Ему я брошу!

Пугачев.

Други! возвратите

Мне жизнь, которой я когда-то жил!

На самый жалкий жребий променяю

С готовностью постылый мой венец!

Избавьте вы меня от этой муки, —

Дозвольте снова быть самим собой!

Устинья (*выступая вперед*).

Кто смеет помышлять о мятеже,

Не слушаться царя и государя?

Логинов. Своей же кукле станем мы

рабами?

Устинья. Петром его вы все признали

Третьим,—

Романовым, законным самодержцем!

Логинов. (*Выхватывает саблю. Прочие делают
то же и бросаются к Пугачеву*).

Его превозглашу я Пугачевым!

Пугачев. Ну, слава Богу!

Устинья. (*Вырывает из-за пояса у Бородина
пистолет*).

Смеете царя

Назвать вы Пугачевым?

(*Все кричат: „Пугачев!“ Устинья стреляет в
толпу*).

Логинов (*падает и умирает*). О, проклятье!

Устинья (*Пугачеву*). Ты будешь тем, чем был
перед целым светом:

Всея Руси законным государем,
Кумиром для народа своего!

Перфильев (*ударяя ее кинжалом*). Но не тебе
делить с ним торжество!

(*Устинья падает мертвая*).

ЗАНАВЕС.

Действие пятое.

Картина I.

Скалистая местность. На заднем плане—вход в большую темную пещеру и вид на далекую равнину. Зарево от пожара Казани.

ЯВЛЕНИЕ I.

Калуга в крестьянской одежде. **Сергий**, переодетый казаком.

Сергий. Кого я вижу? Это ты, Калуга?

Калуга. А ты, отец, оделся казаком?

Сергий. И не для виду только. Мне бы надо Тебя, как беглеца, схватить сейчас же,
Да передать военному суду;
Но я не воин, а простой священник.

Калуга. Военному суду? Нас Бог рассудит!
Все ваши подвиги Он обратил
В ничто пожаром горестным Казани.
Да, я беглец! Я скрылся в темный лес,
Смотрел на свадьбу нашего тирана,—
Как вдруг пожар в Казани запылал
И высоко взвилось к небу пламя,—
Кровавый факел брачного союза
Злодея Пугачева и Устиньи!
А тут Орлов неожиданно налетел.
На торжество пирующей ватаги,—
И жениху пришлось бежать позорно,
Спасая жизнь презренную свою!

Сергий. Ты прав, над нами горько издевался.
 Блестящая, чудесная победа
 Казань легко нам в руки отдана,
 Но небывалым кончилась позором!
 Ребята наши, овладев Казанью,
 От радости рассудок потеряли,
 Без удержу пустились на грабеж;
 От буйного неистовства толпы
 Везде пошли убийства и поджоги;
 Перепилась разнузданная шайка:
 От войск Орлова разоренный город
 Она была не в силах отстоять.
 Но то, что ты о свадьбе государя
 Здесь говорил,—лишь ревностью твоей
 Подсказано: Устиньи (коль любил ты
 Ее,—пролей слезу!) ужь нет в живых.

Калуга. Как, нет в живых?

Сергий. Тебе, мой друг, известно,
 Что должен был я Софью с сыновьями
 От Оренбурга проводить в Казань.
 В толпе, однако, я от них отбился
 И потому не смел идти к царю.
 И вот, переодевшись казаком,
 Я стал в ряды простого войска, близко
 Не подходя к палатке государя.
 Но слышал я, что Логинов хотел
 Поднять мятеж; Устинья застрелила
 Отца, а вслед за тем сама убита
 Перфильевым.

Калуга. Убита!

Сергий.

Может быть,

Перфильев наказал отцеубийцу,
А может быть,—Господь, хотел избавить
Избранника от лишняго страданья,
Коль он и впрямь Устиньей был пленен.

Калуга. Избранником Господним называешь
Того, кто допустил ее убить?

Сергий. Через него Господь чудес не мало
Ужь сотворил, и сотворит еще.

Калуга. А поражение жалкое в Казани?

Сергий. В твоей груди нет пылкого огня,
А я горю надеждой и свободой;
Меня избрал митрополит Московский
Орудием на службу делу церкви,
Котораго я раньше и не знал,
Хоть и монахом был со дня рожденья;
Теперь меня увлек поток событий,
И я плыву, куда несет волна. *(Уходит).*

ЯВЛЕНИЕ II.

Калуга. Потом Пугачев и Перфильев. За ними
Бородин.

Калуга. Из-за любви она отца убила,
Из-за любви убита и сама!
Как отомстить за это злодеянье?
О, Господи! Меня Ты вразуми!
Чу... Шум в кустах... Идут каких-то двое...

Пугачев и Перфильев (входят).

Перфильев. Вот здесь укрыться можно нам спокойно.
В пещере этой темной. Чай, погоня
Тебя порядком утомила?

Пугачев.

Страшно

Перфильев. Присядь на этот камень, отдохни.
Сюда они никак не доберутся.

А я пойду, разведая, пока,
Нельзя ли где достать кусочка хлеба.

Пугачев. Не уходи! Боюсь я оставаться
Наедине с жестокою судьбой.

Перфильев. Не унывай, крепись! Надежно Софья
Укрылася с детьми в монастыре.

Верь, — за ненастьем солнышко проглянет!
Пойдем в пещеру, — там ты отдохнешь.

(Оба уходят в пещеру).

Калуга *(выступая вперед)*. Так вот они, губители
Устиньи!

Вот где спешат укрыться беглецы!..

Кто это? Бородин?

Вородин *(входит)*. Калуга, — ты ли?

Не страшны больше мы тебе, — не то

Не смел бы на глаза нам показаться!

Калуга. Да, под гору теперь пошли вы все,
И счастье вам, как видно, изменило.

Вородин. В Казани яркий день сменился
ночью,

Все наше войско разбежалось врозь.

Калуга. И вот, как тени, в поисках приюта
Вы бродите в лесах и по горам.

А что же пресловутый император?

Вородин. Он скоро за кусочек черствый хлеба
Себя продаст; ведь были ужь такие,
Что отдались Орловским офицерам
Из-за глотка воды. Вот, ты давно

Убить его хотел,—прицелься метко
И, верно, он тебе спасибо скажет!

Калуга. А знаешь ли, где он теперь?

Вородин.

А где?

Конечно, там же, где и все другие.
Не дальше, как версты отсюда за три,
Сегодня видел виселицу я, —
И наши имена на ней прибиты;
И слышал я, вмешавшись в толпу,
При барабанном бое об'явление,
Что все мы лютой казни подлежим,
Но если мы раскаемся в злодействах,
То могут нас помиловать; но только
Расход приходом следует покрыть.

Калуга. Расход — приходом?

Вородин.

Слушай, друг любезный!

Наш тихий Дон благословит Господь
На этот год обильным урожаем, —
Вина там будет вдоволь; так неужто
Его другие выпьют, а не мы?
То об'явление тронуло меня
До слез: неужто в самом деле станем
Качаться на высоких мы столбах
И воронью голодному приманкой
Служить, — за то, что не были умны?

Калуга. Ну, если ты его задумал выдать,
То надобно потише говорить:

В пещере здесь укрылся наш избранник.

Вородин. Так близко? Ладно! Мы теперь пойдем
Своей дорогой — и судьба решится.

(Оба уходят).

Пугачев и Перфильев (*выходят из пещеры*)

Перфильев. Наш враг по всем углам усердно шарит,

Но внутренних ходов пещеры этой
Не знает он. Спокоен можешь быть.

А я пойду, разведая,—кто наши
Ближайшие соседи: волки, птицы,
Иль люди, и добыть я постараюсь
Хоть диких ягод, что-ли, на обед.

(Поднимается на гору).

Вернусь я скоро. Только, друг любезный,
С оружием ты не расставайся. Слышишь?
Его ни на минуту не бросай! *(Уходит).*

Пугачев (*садится на камень и опускает голову на руки*).

Свершилось! Рухнула моя постройка
Еще задолго до конца! Так ложь
Не в силах побороть нехитрой правды.
Пусть будет так! Русь видела лишь сон
О будущем, пока еще далеком...
И вот, река времен несет обратно
Обломки золотой моей мечты!..
Когда-нибудь и их подхватит время...
Что, если б снова счастье улыбнулось,
И снова мой заискрился венец?
Как странно действует привычка! Сердце,
Не знавшее гордыни, всею силой
Противилось замыслам высоким;
Теперь же расставаться с ними жаль.

Надежные соратники мои
 Решили убежать к черкесам, в горы.
 И снова войско там собрать, и вместе
 С униженной и раздробленной Польшей,
 Что как змея разрублена на части,
 Но все еще не сгинула,—опять
 Пойти на Русь и снова попытаться
 Восстание в народе возбудить.
 Тяжелые уроки поражений
 Нередко научают побеждать;
 Теперь я мог бы лучше все устроить
 И в дикую, бездушную орду
 Вдохнуть живую силу твердой воли;
 Я мог бы... Да, геройския мечтанья
 К лицу тому, кто укрываться должен
 В норе звериной!..

Осень наступает;

Начался листопад, и скоро снег
 Покроет все поля, и раб-крестьянин
 К помещику покорно возвратится,
 Лишь только бы погреться на печи,
 Да в Рождество безчувственно напиться...
 Я к Рождеству сынкам дарил подарки, —
 Вырезывал им стрелки, сделал лук;
 Теперь им надо в руки дать оружие
 Уж настоящее...

Да, Алексей!

Вас, детки, снова подкупить хочу я, —
 Так, вот, возьми ружье, учись стрелять!

(Ставит ружье к дереву).

Тебе, Ванюша, дам я эту саблю

Турецкую, что отнял у паши
Я под Бендерами.

(Снимает с себя саблю и кладет на камень).

Два пистолета

За поясом — персидские; смотрите, —

Здесь надпись есть; ее, конечно, Сергей

Сумеет прочитатъ.

(Кладет пистолеты на землю).

Один дервиш

Ее когда-то мне растолковал;

Она гласит: „О, приходи обратно!

„А если ты падешь,—то от руки

„Того, кто выше, чем ты сам“. Обратно

Перс не пришел, — убил его паша;

Пашу убил когда-то император;

А государя —

(смотрит на небо).

разве Бог убьет?!

(Медленно уходит в пещеру, оставив оружие).

ЯВЛЕНИЕ III.

Калуга. Потом **Вородин** с солдатами. Наконец—
Перфильев.

Калуга. Удастся ли наш замысел исполнить?

Солдаты окружили все проходы,

И **Вородин** ведет сюда отряд,

Чтоб захватить скорее **Пугачева**...

*(Входит **Вородин** с отрядом по крайней мере из
12-ти гренадер).*

Офицер. Где он?

Бородин. Укрылся в этой вот пещере.

Смотрите, будьте осторожны: здесь
Вы встретить можете сопротивление.
Ты что, Калуга,—с нами или нет?
Ты—дичь или охотник?

Калуга.

Я за вами.

(Идет с Бородиным в пещеру; солдаты следуют за ними, с ружьями на перевес).

Перфильев *(спускается с горы. В руках у него шапка, наполненная свежими орехами).*

Кругом—одни лишь камни, да солдаты;
Единственный орешник я нашел,
Орехами свою наполнил шапку...
Но, кажется, к пещере нашей тайной
Ужь подбираются враги... Вон там,
За выступом скалы, стоит, я вижу,
Молоденький капрал. Не прочь, наверно,
Орешками полакомиться он?

(Осматривается и замечает оружие Пугачева).

Что это здесь? оружие Емельяна, —

Персидские пистолы... Боже мой!

Тут, на песке, следы... *(заглядывает в пещеру),*

Штыки в пещере!

(В пещере глухо раздается, один за другим, несколько выстрелов).

Измена! Мы теперь со всех сторон

Окружены. Остаться не могу я,

Да и бежать нельзя! Я должен сам

Отдаться в руки недругу лихому.

Да, Емельян,—пойду я за тобой! *(Подходит к скале).*

Эй, ты, капрал!

(Протягивая шапку).
не хочешь ли орешков?
(Уходит).

Перемена декорации.

Картина II.

Зал в Казанском Кремле. Сзади — широкий занавес.
На авансцене — кресла. Освещение скудное. В окне —
заревое пожара.

ЯВЛЕНИЕ IV.

Екатерина потом **Орлов**; наконец — **Разумовский**.
Снаружи слышны трубы и барабаны.

Екатерина. На горах пепла сгибнувшей Казани
Приветствует народ победу нашу
И к стенам уцелевшего Кремля
Теснится оживленною толпою.
Мы победили! Политая кровью
Земля взрастит нам вожделенный мир.
Но мира нет в душе моей смущенной:
Когда мятеж находит свыше помощь, —
То не к добру! Орлов неустрашимый
Свои дружины храбро вывел в бой,
И в ратном поле, и в совете царском
Явил примеры мудрости высокой,
Вновь окрылил двуглавого орла...
Но здесь когда он бродит одиноко

Или меня встречает,—вижу я,
 Что дух его по-прежнему страдает,
 Недобрыми виденьями смущен.
 Вот он идет, подобен мрачной тени...

Орлов (*в черном кафтане с серебром, задумчиво идет на авансцену и, заметив Екатерину, останавливается*).

Ах, матушка-царица! Не пора ли
 Вернуться в Петербург? Зима идет,
 Столице скучно без балов придворных;
 Вольтер в своем Фернее будет мерзнуть—
 Хоть шубку надо бы ему послать.

Екатерина. Я и пошлю, — пускай напишет оду
 На сей победоносный ваш поход.

Орлов. Лить в море крови жалкие стишочки?
 Вернитесь в Петербург! Ведь говорят,—
 Хотя держать пока в секрете надо,
 Иначе все от ужаса умрут! —
 Что началась чума. О, не дрожите!
 Пока на поле битвы одного лишь
 Погибшаго я видел от нея:
 То император.

Екатерина. Бросьте эти речи,
 Орлов! Коль вы разбитый этот призрак
 Здесь в шутку именем таким назвали, —
 Как станет мир его не в шутку звать?

Орлов. Как звать? Иль вправду можете вы думать,
 Что это был сам император Петр?
 Увидел близко я в пылу сраженья
 Его перед собою: на коне
 Пустые лишь болтались доспехи, —

Что в арсеналах по углам стоят,
Пустыя латы, пугало воронье,
Которое прославили царем!

Екатерина (*бросаясь к нему*). Орлов! Он жив иль
нет?

Орлов. Кто? Муж твой Петр?

Да может ли,—спроси вот эту руку, —
Он быть живым?

Екатерина. Ужасно!

Орлов. Проклянешь ли
Ты эту руку? Ведь она тебе
Дала корону!

Екатерина. Значит, тот, кто в Невском
Монастыре похоронен,—убит?

Орлов. В монастыре похоронен? О, нет!
Он призраком, лишенным гроба, бродит
При лунном свете по степям широким,
Стучится в хижины, к огню садится,
Выслушивает жалобы и стоны,
Всех добрыми словами утешает,
За все он обещает отомстить...

И вот, однажды ночью на степного
Он сед коня, за гриву ухватился,
Помчался по полям и по лесам;
Кошты выбивают в камне искры,
И дым столбом клубится из ноздрей,
И адским пламенем горит и блещет
Кровавый мести меч в его руке!

Екатерина (*бросается к входящему Разумов-*
Избавьте, князь, от этого безумца! *скому*).

Разумовский. Окончился кровопролитный бой,

Потушен пыл мятежнаго восстанья,
И сказка правде уступить должна.

Екатерина. С чем вы пришли?

Разумовский.

Под зарево Казани

Сюда привел я мнимого царя.

Хотите ли, Орлов, его увидеть?

Орловъ. Вы мертвеца хотите показать?

Когда у гроба на часах стоял я,

Я видел этот бездыханный труп,

Из уст полуоткрытых слышал стоны.

Беззвучные, моленья о пощаде...

И вот, теперь... Да знаете ли вы,

Что если к телу подойдет убийца,

То хлынет кровь из всех раскрытых ран?

Хотите вы, чтоб снова эти очи

Отверстые, которых ни одна

Рука смежить была не в состояньи, —

Чтоб эти очи, кровью налитые,

В моих очах раскаянья искали?

Горели тускло свечи; молчаливо

Глядел народ с высоких хор собора;

Не раздавалось песен погребальных

С молениями о царствии небесном...

И все смотрели только на меня,

Лишь я один был ужасом всеобщим!

Разумовский. Утешьтесь, граф! Напрасно

заблужденье

Тревожит вас мечтою небывалой!

Смотрите, — вот видение царя!

(Делает знак — занавес раздвигается. Орлов с криком падает в кресло).

ЯВЛЕНИЕ V.

За занавесом оказывается Пугачев, скованный. Рядом с ними Перфильев, также в оковах. По сторонам — вооруженные часовые. Сзади — большое окно, в котором видно зарево пожара. Потом являются Софья, Иванъ и Алексѣй.

Екатерина (*сначала не смотрит на Пугачева*).
 Себя царем Петром зовешь ты Третьим,
 Несчастный?

Пугачев. Кто б ни спрашивал меня,
 Стою я на распутьи между ложью
 И правдою; о, я умру охотно, —
 Ведь смерть лишь только воскресит меня,
 И снова тем я стану, чем доньше
 Я был!

Екатерина. Мне этот голос незнаком.
 А кто другой?

Разумовский. Его товарищ верный,
 Который вас когда-то обманул,
 И Бибикова, и весь Двор. Обоих
 Их в клетке повезут в Москву.

Екатерина. Перфильев?
 Его я милую. Но тот, другой?
 Ужель его должны предать мы казни?
 Ведь это первый будет приговор,
 Что мне придется подписать, — и нужно ль?
 (*К Пугачеву*).

Скажи: кто ты и как тебя зовут?

Пугачев. Хочу я снова быть самим собою, —
 Пусть правдою теперь затмится ложь!
 Я был носителем народной мести,
 Я сеятелем был народной воли,
 Что некогда взойдет и процветет
 На всех полях России необ'ятной;
 Я совестью был для цареубийцы, —
 Донской казак, станицы Зимовейской,
 Я—Емельян Иванов Пугачев!

Софья (*выбегает из-за занавеса с детьми и бросается к Пугачеву*).

Ты сам сказал,—не я тебя признала!

Пугачев. Ты ль это, Софья?

Екатерина.

Так еще недавно

Ты отреклась от мужа своего?

Софья. Он от меня отрекся—для России
 Я от него—из-за любви к нему!

Пугачев. Недаром жили мы с тобой, Перфильев!
 Коль смерть моя отечеству нужна, —
 Умру спокойно: вот жена и дети,
 Которых я, по милости Господней,
 Обрел опять. Прощайте же, друзья!
 На небесах увидимся мы снова,
 Не чувствуя страдания земнова.

(*Занавес задерживается*).

Екатерина (*подходит к Орлову, который все время сидел, не поднимая головы*).

Князь Разумовский! Скажите вы графу,
 Что виделись мы с ним в последний раз.
 В Москву вы поспешите, — там порядок
 Восстановить, нарушенный войною;

Я еду в Петербург. Я сознаю
Всех сих событий важное значенье:
Истории страницы золотыя
Издавна приучилась я читать,
И потому желаю, чтобы этот
Мятеж несчастный был покровом тайны
Надолго скрыт, чтоб в памяти народной
Изгладились совсем его следы.
Полвека пусть никто во всей России
Ни письменно ни устно не дерзает
Злодея Пугачева называть!
За полстолетия народ успеет
Созреть,— тогда пускай толкуют смело.
Прошу—в Москве скорее кончить дело!
(Уходит).

ЗАНАВЕС.

Карл Гупков и его трагедия: „ПУГАЧЕВ“.

„22 января н. с. дана была, с большим успехом, в Стутгарде новая пьеса К. Гупкова: „Пугачев“.

Так сообщила своим читателям выходившая при журнале „Репертуар и Пантеон“ 1845 г. „Театральная Летопись“ (12 февраля),—и с тех пор в нашей подцензурной печати не появлялось уже никаких известий о пьесе, имевшей в свое время „большой успех“ где-то „там“, в стране, которая уже научилась уважать человеческую мысль и слово... Не только перевод, но даже самый короткий и осторожный пересказ содержания этого произведения, казалось бы, интересного особенно для русских читателей, были совершенно недопустимы. Надо было ждать чуть не три четверти века для того, чтобы получить, наконец, возможность познакомить русскую публику с трагедией знаменитого немецкого писателя, бывшего одним из самых ярких представителей своего времени,—эпохи революционных брожений, столь богатой мыслями новыми, своеобразными и плодотворными.

Что же это за трагедия—и как следует смотреть на нее теперь, так много лет спустя после появления ее в печати и на сцене?

В июле 1830 г. Гейне купался в море на остр. Гельголанде. Однажды утром „с материка пришел толстый

пакет газет с теплыми, знойно-жаркими новостями. Это были солнечные лучи, завернутые в бумагу,—и они произвели в душе поэта самый буйный пожар. Мне казалось (говорил он), что я мог зажечь весь океан до северного полюса тем огнем вдохновения и безумной радости, который пылал во мне... Из этих буйных, завернутых в бумагу, солнечных лучей один попал мне в мозг,—и все мои мысли горят ярким пламенем... И остальных приезжих также поразила парижский солнечный удар...”

Этим солнечным ударом была весть о революции в Париже,—весть, встреченная молодыми представителями тогдашней немецкой литературы с светлым ликованием и радостными надеждами. Июльская революция раскрывала перед ними новые цели деятельности, указывала на новые задачи политических и общественных стремлений, которые так близки были их сердцу, но только теперь получили вполне определенный облик. На смену старой поэзии с ее отвлеченными идеалами и общечеловеческим содержанием, с ее заоблачными мечтами, уносившими вдаль от грубой и пошлой действительности, настойчиво вторгалась в жизнь другая литература, с юношески бодрым призывом к дружной работе над политическим возрождением народных масс, с проповедью „искусства для жизни“,—литература, ценившая только такие произведения, которые могли оказать благотворное влияние в смысле политического и общественного воспитания общества в определенном демократическом направлении. Представители этого нового движения, имевшего сильное и решительное влияние на все дальнейшее развитие

немецкой литературы, объединились во второй половине 30-х годов под знаменем „Молодой Германии“. Во главе многочисленной дружины писателей, ставших под это знамя, были Гейне и Берне; к числу главных ее представителей принадлежал также Карл Гуцков (1811—1878), талантливый и многосторонний поэт, романист, критик и драматург, очень скоро занявший выдающееся положение в литературе, особенно— в журналистике и на сцене.

Поэты „Молодой Германии“, в своем восторженном увлечении новыми идеалами, справедливо признавали драму наиболее совершенною и удобною формою для широкого распространения этих идей и потому поставили себе задачею оживить немецкую сцену такими драматическими произведениями, которые, возбуждая интерес „большой публики“, в то же время отвечали бы и духовным потребностям народа, отражая и направляя движение общественной мысли. Гуцков выступил первым глашатаем этого нового направления немецкой драматической литературы. Начиная с 1839 г., он неутомимо работал для театра и создал целый репертуар,—27 пьес самого разнообразного содержания, в которых ярко сказались и его выдающийся талант, и его одушевление высокими и благородными идеалами того времени. Тонкое поэтическое чувство давало ему возможность находить новые приемы творчества, поднявшие немецкую сцену на высоту современных требований. Нисколько не заискивая перед вкусами публики и не смущаясь неудачами, Гуцков старался в своих пьесах дать художественное выражение всем важнейшим вопросам, ко-

торами интересовались его современники. В этом отношении он являлся передовым борцом-проповедником, увлекавшим за собою других писателей. Все его пьесы отличаются сценичностью, мастерским расположением действия и тою одухотворенностью, которая делает его героев носителями самых жизненных интересов эпохи; но при этом лица, взятые хотя бы из отдаленного времени, получают у Гущкова своеобразное современное освещение. Поэт по самой своей природе был не в состоянии создать истинно-трагического героя, который одушевлялся лишь единою, всецело его проникающею идеею и гибнет в борьбе за эту идею с окружающим его миропорядком; в драмах Гущкова, как и вообще среди людей 40-х и 50-х годов, нет ни одной вполне цельной и энергично последовательной личности; все его герои в большей или меньшей степени заражены болезнью века—раздвоенностью, „гамлетизмом“, тем расхождением идеальной мысли с действительностью, которое порождало т. н. „мировую скорбь“; оттого и впечатление, ими производимое, не столько трагично, сколько трогательно. Тем не менее, пьесы Гущкова так живо затрогивали самые насущные в то время интересы—умственные, общественные, политические, что ни одна из них не проходила без оживленных, иногда даже бурных споров за и против автора, а некоторые, как напр. знаменитая драма: „Уриэль Акоста“, были одно время, по словам самого Гущкова, „политическим барометром“: их запрещали, как только обнаруживался во внутренней политике Германии поворот к старому порядку, и снова разрешали, когда брало верх более либеральное течение...

Все пьесы Гуккова в высокой степени „тенденциозны“, так как в основу каждой из них положена какая-нибудь „боевая“ современная идея, которую автор желает пояснить действием и речами своих героев. Оттого один немецкий критик и заметил, что если эти пьесы читать в порядке их появления в свет, то впечатление получится приблизительно такое же, как от прочтения передовых статей хорошо отредактированной газеты за несколько лет под ряд.

Что касается, в частности, „Пугачева“, то немецкий писатель, конечно, не знал всех подробностей восстания, разыгравшегося в России в 1772—1774 гг.—и, как поэт, а не историк, вовсе и не был обязан заботиться об исторической точности. В этом отношении для него примером служил Шиллер, который в своих исторических драмах очень далеко отходил от всем известных фактов и, например, представил Орлеанскую Деву умирающею на поле сражения. Для Гуккова был важен только основной мотив: восстание угнетенного и закрепощенного народа, во главе которого стал самозванец Пугачев; поэт хотел раскрыть перед нами душу этого народного героя, — показать, как сам Пугачев смотрел на свое дело и какие чувства были вызваны его восстанием в душе Екатерины, причастной к убийству так неожиданно для нее „воскресшего“ императора Петра III, — в душе главного участника этого убийства Григория Орлова и других лиц, стоявших близко к престолу. Не говоря о сценических эффектах, которыми Гукков пользуется с большим мастерством, интерес пьесы сосредоточивается на своеобразном истолковании характера ее героя. Из истории мы знаем,

что Пугачев решился принять имя государя Петра III по настояниям раскольников (в частности, он указывал на купца Кожевникова, который особенно его поддерживал); в нашей трагедии царское имя достается ему случайно, по жребию, — в такую минуту, когда для народа, в сущности, все равно, кто бы и каков бы ни был „царь“, лишь бы только было лицо, под знаменем которого можно начать восстание. Гуцков, ради театрального эффекта, приурочивает жеребьевку к рождественскому сочельнику: рождение Христа как бы является предзнаменованием рождения русской свободы, — и Пугачев, в его толковании, сознательно идет на обман ради спасения народа, в чем его поддерживает убежденный агитатор Сергей. В дальнейшем, однако, оказывается, что Пугачев, сделавшись царем, должен перестать быть самим собою, забыть свою жену и детей, даже, по требованию казаков, жениться на другой женщине, которую он когда-то любил, а теперь ненавидит. Это душевное раздвоение приводит его в состояние крайнего нервного возбуждения, близкого к помешательству, которое и является причиною его гибели. Сам по себе Пугачев представлен здесь благородным энтузиастом свободы; он готов пожертвовать собою ради народного блага, но эта жертва оказывается выше его сил: он не в состоянии отказаться от самого себя, „переродиться“ в царя, — и падает под тяжестью выпавшей на его долю задачи... С другой стороны, не менее интересно обрисована и мрачная фигура убийцы Петра III, Григория Орлова, которому всюду мерещится призрак убитого царя. Неверно исторически, но очень драматично положение

Екатерины: она не вполне уверена в смерти своего мужа, боится узнать правду—и даже, пожалуй, готова отдать престол мятежному вождю, если бы он вправду оказался Петром III. Характеры двух близких к Пугачеву женщин—кроткой, любящей Софьи и страстной, честолюбивой Устиньи—дают возможность оживить действие интересными драматическими подробностями. Наконец, интересны и второстепенные лица: благородный, грустно-задумчивый Бибииков, мрачный бунтовщик Сергей, верный друг Пугачева Данила (в действительности Афанасий) Перфильев, который своим рассказом о живом мертвце приводит в исступление Орлова и потом дурачит Бибиикова, и др.

В историческом отношении трагедия представляет целый ряд намеренных и случайных неточностей. Прежде всего следует заметить, что первую женою Пугачева действительно была Софья, дочь казака Недюжева; но у него было не два сына, а только один—Трофим—и две дочери. Устинья—дочь вовсе не атамана Логинова, который и не мог участвовать в изображаемых пьесою событиях, потому что еще в 1765 г. был сослан в Сибирь, а казака Кузнецова; Пугачев раньше ее не знал, но женился на ней, действительно, для того, чтобы „сделать удовольствие“ казакам. Далее, действовавшего против Пугачева генерала Багратиона Гуцков сделал казачьим „старейшиной“, от согласия которого поставлено в зависимость всенародное признание Пугачева царем. Екатерина во время пугачевщины вовсе не приезжала в Казань и не назначала Гр. Орлова главнокомандующим; Казань была отбита у пугачевцев не Орловым, а Михельсо-

ном, на место же умершего главнокомандующего Бибикова был назначен гр. Петр Ив. Панин, которому и удалось прикончить восстание. Наконец, Пугачев был захвачен вовсе не в пещере, вместе с Перфильевым, а в староверческом поселке на Узеньях, и не сейчас по взятии Казани правительственными войсками, а ровно два месяца спустя; и захватили его не „Орловские офицеры“, а свои же казаки. Екатерина, конечно, никогда не видела ни Пугачева, ни Софьи, и не помиловала Перфильева, который был казнен вместе с своим другом.

Таким образом, с исторической собственно стороны трагедия Гудкова не выдерживает критики. Но как для поэта, так и для нас суть дела здесь вовсе не в истории, а в психологической обработке темы,—в изображении характеров и душевных движений действующих лиц. В этом отношении трагедия Гудкова смело выдержит самую страшную критику,—критику времени: и теперь, как при своем появлении в печати и на сцене, она все также может волновать чуткого зрителя своим драматическим движением и действовать на его душу теми чувствами и мыслями, какие автор вложил в своего героя.

П. Морозовъ.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ОКРУЖНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ
В. Г. БЕЛИНСКОГО
СВЕРДЛОВСКОЕ

RECEIVED
JAN 10 1880
LIBRARY
OF THE
MUSEUM OF
COMPARATIVE ZOOLOGY
AT HARVARD UNIVERSITY

